
М.Ю. Сорокина

МЕЖ ДВУХ ДИКТАТУР:
СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

2 июля 1946 г. в конференц-зале Президиума Академии наук СССР на Калужском шоссе в Москве состоялось заседание сессии Общего собрания Академии, на котором обсуждались важнейшие вопросы академической жизни — первый послевоенный пятилетний план развития Академии и отчет о ее деятельности в 1945 г. Заключительным третьим пунктом повестки дня стоял вопрос об исключении из состава Академии члена-корреспондента АН СССР, востоковеда Николая Николаевича Поппе (1897–1991), крупнейшего специалиста по языкам и литературе народов северо-восточной Азии¹.

Последний раз аналогичный вопрос обсуждался в Академии незадолго до начала Второй мировой войны, 29 апреля 1938 г., когда президент АН СССР В.Л. Комаров представил Общему собранию список на исключение из состава Академии двадцати одного действительного члена и члена-корреспондента во главе с недавним неперменным секретарем АН СССР, бывшим личным секретарем В.И. Ленина по Совнаркому и самым влиятельным партийным патроном науки в 1920-е гг. Н.П. Горбуновым. Все они были объявлены «врагами народа», «вредителями» и «саботажниками», а подавляющее большинство вскоре уничтожено. После кончины И.В. Сталина, с лета 1953 г. и вплоть до конца 1990-х гг., практически все исключенные в советское время академики и члены-корреспонденты были по-смертно реабилитированы и восстановлены в своих академических званиях.

Между тем эти решения не коснулись судьбы Николая Поппе. Более того, ни он сам, ни его коллеги, включая академика Д.С. Лихачева, не знали точно, был ли Поппе вообще исключен из Академии². В отличие от 1930-х гг., июльское решение Общего собрания 1946 г. не было опубликовано в академической или общегражданской печати. Оно не имело грифа «секретно»³, но было известно лишь в узких академических кругах, преимущественно высших администраторов. За две недели до Общего собрания, 18 июня 1946 г., академик-секретарь Президиума АН СССР Н.Г. Бруевич на заседании Президиума Академии проинформировал его

¹ См.: Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 7. Д. 17. Л. 77.

² Сегодня биография Н.Н. Поппе присутствует на официальном сайте РАН, хотя, по нашим сведениям, ученый не был восстановлен в списках Академии наук. О нем сказано: «Член-корреспондент с 29.03.1932 — Отделение общественных наук (монголоведение), по 02.06.1946» (http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-51795.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения 25 октября 2012 г.)).

³ См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 33. Л. 28–30 (выписка из постановления Общего собрания, имеющая печать протокольного отдела; личное дело Н.Н. Поппе).

членов, что получил «важные вполне достоверные сведения, касающиеся деятельности Николая Николаевича Поппе»⁴. Согласно этой информации летом 1942 г. находившийся в командировке с лета 1941 г. в Элисте (Северный Кавказ) Поппе перешел на сторону гитлеровцев в районе Кисловодска, был назначен «официальным сотрудником гестапо и руководителем отдела пропаганды при немецкой коммандатуре». В информации также говорилось, что Поппе «консультировал немецкие комиссии по регистрации коммунистов, комсомольцев и евреев и принимал участие в допросе советских граждан, арестованных оккупантами», более того, «являлся одним из вдохновителей инсценировки так называемых похорон жертв НКВД» в Нальчике. В заключение отмечалось, что при отступлении немецких войск с Северного Кавказа в 1943 г. Поппе «бежал вместе с ними и обосновался в районе Берлина. О дальнейшей судьбе Поппе точных сведений нет»⁵.

Судя по сохранившейся стенограмме, риторика выступления академика Бруевича на заседании Президиума АН СССР была выдержана в очень осторожных тонах. Он продолжал вполне уважительно именовать Поппе по имени-отчеству «Николай Николаевич» и ни разу не назвал его «врагом народа». Переход ученого на сторону гитлеровцев Бруевич квалифицировал как «печальный факт о действиях одного ученого, направленных во вред Советскому Союзу» и только в самом конце речи однозначно определил действия Поппе как «предательство нашей Родины».

Такая сдержанность была не случайной. С одной стороны, сведения о «предательстве» Поппе были весьма расплывчатые. Важнее было иное — Вторая мировая война оказала огромное стимулирующее воздействие на развитие науки во всем мире, и в СССР в частности. Она существенно изменила ее географическую, институциональную, кадровую и проблемную структуру, «растянув» традиционно европоцентричную отечественную науку территориально — на востоке страны была создана система новых филиалов АН СССР, академий наук союзных республик, отделений столичных университетов и институтов. В СССР резко возросло количество естественно-научных и гуманитарных институтов и лабораторий в академической и вузовской науке. Борьба за новые институциональные позиции и укрепление старых открывала дополнительные возможности для реализации широкомасштабных научных планов и карьерного взлета. Научные эксперты и советники Государственного комитета обороны, правительства и наркоматов стали постепенно вытеснять малообразованных партийных идеологов и чиновников, занимавших важные позиции в государственном аппарате с середины 1930-х гг. Более того, целый ряд ученых занял высокие должности в госаппарате, возглавил научные советы в ведомствах, а главное — стратегия развития многих научно-исследовательских проектов и программ, прежде всего оборонного цикла, определялась преимущественно научной элитой по согласованию с кураторами из партийно-государственной номенклатуры. Влияние научного сообщества значительно выросло как во властных структурах, так и в советском обществе в целом. Личная встреча пре-

⁴ Там же. Л. 25 (выписка из протокола № 8 заседания Президиума АН СССР).

⁵ Там же. Л. 26–27.

зидента АН СССР В.Л. Комарова и И.В. Сталина 13 ноября 1944 г. — первая на таком уровне за весь послереволюционный период — публично продемонстрировала поддержку первого лица государства Академии наук СССР как «штабу» советской науки и закрепила повышение статуса науки и научных деятелей в советском обществе в целом. Последовавшие после окончания Второй мировой войны новые выборы в состав АН СССР, значительно увеличившие ее персональный состав, организация внеурочного 225-летнего юбилея АН СССР в 1945 г., многочисленные награды и льготы для ученых поднимали престиж научной деятельности в СССР на невиданный ранее уровень⁶.

В этом контексте «случай Поппе» не должен был лечь позорным пятном на Академию, и поэтому свою краткую речь Н.Г. Бруевич начал с перечисления правительственных наград, полученных членами АН СССР и ее сотрудниками за вклад в победу над фашистским агрессором. Главным пунктом речи академика было противопоставление: тысячи награжденных — один предатель. В течение многих десятилетий после окончания Великой Отечественной войны подобные оппозиции («миллионы героев — несколько ренегатов»; «народ-победитель — отдельные пособники») будут составлять одну из риторических и идейных основ официального сталинистского военного нарратива, отвергавшего травматичную память о войне (потери, эвакуация, оккупация, коллаборационизм)⁷.

Этот нарратив, разделяемый значительной частью советского общества и воплощенный в многочисленных произведениях изобразительного искусства, публицистике, художественной и научной литературе, презентовал войну как борьбу «советских героев» с «фашистами и их пособниками» на протяжении многих десятилетий. Он почти полностью игнорировал очень сложную судьбу почти половины советского довоенного населения, не по своей воле оказавшейся на оккупированных территориях (по разным оценкам, от 60 до 80 млн. советских граждан), и одним этим фактом попавшей под подозрение и немецкой оккупационной администрации, и советских властей.

Основу юридической базы для преследования и наказания граждан СССР, сотрудничавших с оккупантами, составил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. с характерной для своего времени патетикой в названии — «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийстве и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Документ из пяти пунктов, подписанный М.И. Калининым и

⁶ Подробнее см.: *Кременцов Н.Л.* Советская наука и война // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 783–817; *Колчинский Э.И.* Академия наук СССР и Вторая мировая война // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX в. СПб., 2005. Вып. 3. С. 313–328; *Козлов Б.И.* Академия наук СССР: особенности отношений с властью в условиях войны 1941–1945 гг. // Институционализация отношений государства и науки в истории России (XVIII–XX вв.): Сб. ст. М., 2007. Вып. 1. С. 162–182.

⁷ Подробнее см.: *Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война* / Отв. ред. С.В. Карпенко. М., 2004; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М., 2004; *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа.* М., 2005; *Вторая мировая: Иной взгляд: Историческая публицистика журнала «Посев».* М., 2008 и др.

А.Ф. Горкиным, никогда не публиковался в годы войны⁸ и не содержал юридических дефиниций и тем более процедур для определения, кого относить к категориям «изменников Родины» и «пособников». Зато он предусматривал чрезвычайные меры наказания для них: смерть через повешение для «изменников» и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет — для «пособников». Реализация Указа возлагалась на вновь создаваемые военно-полевые суды, причем исполнение приговора должно было проводиться немедленно и публично, а тела повешенных оставаться на виселице в течение нескольких дней⁹. Нельзя не согласиться с известным историком Н.В. Петровым, что карательной интенцией Указ был направлен не только и не столько против вражеских армий, сколько против советских граждан, обвинявшихся в сотрудничестве с оккупантами¹⁰. Политика устрашения своих граждан была продолжена и первым в СССР публичным судебным процессом над военными преступниками в июле 1943 г., когда обвинялись не немецкие военные, а именно соотечественники — пособники гитлеровцев¹¹. Символично и неслучайно и то, что он состоялся в Краснодаре — столице кубанского казачества, значительная часть которого активно сотрудничала с германскими войсками¹².

⁸ Первая реконструкция Указа была сделана Е. Беккером (*Becker E. Das Rätsel des Ukas 43 und eine Erkundung des Archipel Gulag. Hamburg, 1991*), первая публикация текста Указа — Г. Вагенленером (*Wagenlehner G. Die Willkurjustiz der Stalin-Ära-der Ukas 43 // Heimkehrer (Bonn). 1992. 15. Mai*). Первый российский публикатор — начальник Института военной истории В.А. Золотарев (*Военная безопасность Отечества: (Историко-правовое исследование). М., 1996. С. 196–198*).

⁹ В комплексе с Указом о пособниках 14 апреля 1943 г. было принято постановление Государственного комитета обороны о создании Смерша, а 22 апреля 1943 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания изменникам Родины и предателям, о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ», введивший в лагерях НКВД каторжные отделения с установлением особо строгого режима для «пособников»: полная изоляция от остального лагерного контингента в отдельных зонах, использование каторжан только на тяжелых работах в угольных шахтах.

¹⁰ См.: *Петров Н.В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: М-лы междунаrodn. науч.-практ. конф. 23–25 окт. 1997 г. в г. Вологде: В 2 ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 92.*

¹¹ Перед судом предстали тринадцать советских граждан, которые служили во вспомогательных частях зондеркоманды 10а, в основном — на обслуживании газвагенов. Все роли на процессе были расписаны в докладной записке В.М. Молотова и А.Я. Вышинского И.В. Сталину от 10 июля 1943 г. под грифом «Совершенно секретно» (Архив внешней политики РФ МИД РФ. Ф. 6 (Секретариат В.М. Молотова). Оп. 4. Д. 74. Папка 8. Л. 13). Освещение процесса в средствах массовой информации курировали А.Я. Вышинский и Г.Ф. Александров. Для подготовки пропагандистского сопровождения в Краснодар были направлены писательские бригады, и в частности член ЧК писатель Алексей Толстой. Он получил «Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края», подписанное следователем по важнейшим делам Л.Г. Мальцевым и утвержденное прокурором СССР В.М. Бочковым (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 28), однако краснодарский процесс остался единственным, о котором А.Н. Толстой ничего не написал. Приговор был приведен в исполнение 18 июля на городской площади Краснодара в присутствии почти 50 тыс. человек. Нацистские военные преступники были впервые осуждены только в декабре 1943 г. в Харькове.

¹² См.: *Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. М., 1994; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997; Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Восточные легионы и казачьи части вермахта. М., 1999; Thorwald J. The Illusion: Soviet Soldiers in Hitler's Armies. N. Y.; L., 1975; Newland S.-J. Cossacks in the German Army. 1941–1945. L., 1991 и др.*

Несмотря на то что после 1955 г. многие вольные и невольные пособники фашистских оккупантов были амнистированы в СССР, советское государственное руководство и его спецслужбы и в последующие годы проводили необъявленную политику тотального недоверия и скрытой фильтрации населения. В течение многих лет после окончания войны граждане СССР при поступлении на работу были обязаны отвечать на вопрос анкеты: «Находились ли вы или ваши родственники на оккупированных территориях?» Положительный ответ автоматически переводил анкетированного в категорию «ненадежных» и незримо сопровождал человека на всем его служебном пути.

В советской исторической литературе бытование различных национальных, социальных и профессиональных групп населения на оккупированных территориях также трактовалось преимущественно в черной-белой гамме: либо как история массового героического сопротивления врагу, либо, напротив, как тема пособничества презираемых одиночек. Многие годы изучение «коллаборационизма» в СССР было табуировано для научного анализа как опасное для политической стабильности советского режима: даже самые приблизительные подсчеты свидетельствовали, что число советских граждан, в различных формах сотрудничавших с оккупантами¹³, вполне сопоставимо с количеством участников партизанского движения, и тем самым обнажали неприятие сталинского режима значительной частью советского общества.

Только в последние десятилетия в России появились исследования о природе, мотивации и практиках «советского коллаборационизма», опирающиеся на вновь открытые архивные фонды, в том числе структур государственной безопасности¹⁴. Интересно, что эта новая литература охотнее использует французский термин «коллаборационизм», нежели советский «пособник» (или еще реже — «изменник», «предатель»), подчеркивая внациональный характер этого явления и внося многозначность в его понимание. Кроме того, некоторые авторы прямо связывают воедино практики «коллаборационизма» и «сопротивления» сталинскому режиму, однако их фокус сосредоточен преимущественно на вооруженном сопротивлении — на Русской освободительной армии генерала А.А. Власова, ка-

¹³ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 782; Лысенко А.Е. Вклад народа Украины в победу над гитлеровской Германией // Война 1941–1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005; Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 312–313.

¹⁴ См., напр.: Кудряшов С.П. Предатели, освободители или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 2 кн. Краснодар, 2000. Кн. 1; Семиряга М.И. Коллаборационизм; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. Великий Новгород, 2001; Соколов Б.В. Оккупация: Правда и мифы. М., 2002; Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 293–305; Равдин Б.Н. На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Stanford, 2005; Ермолов И.Г. Три года без Сталина: Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010; Berkhoff K. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass), 2004 и др.

зачестве и национальных движениях, прежде всего народов Северного Кавказа и Прибалтики¹⁵.

Несмотря на то что книга В.М. Алпатово о Н.Н. Поппе была издана еще в 1996 г.¹⁶, а в последующие годы появился еще ряд публикаций о судьбе отдельных ученых на оккупированных территориях СССР¹⁷, научное сообщество как субъект проблематики гражданского коллаборационизма до сих пор минимально присутствует в отечественной историографии. Проблема «война и советское научное сообщество» в целом рассматривается в российской историографии в основном как тема вклада ученых в победу над фашизмом. Даже последние, либеральные для историков в новой России, двадцать лет не совершили прорыва в этой области. Проблематика негативного опыта, выстраданного научным сообществом в годы Второй мировой войны (потери, эвакуация, оккупация, коллаборационизм, предательство и др.), до сих пор не получила широкого освещения и анализа и продолжает отторгаться историческим сознанием, пребывая на периферии исследовательского интереса.

За пределами накопленного историографического потенциала остаются такие важные для понимания особенностей до- и послевоенного развития науки в СССР / России проблемы, как эволюция образов «войны», «врага» и «союзника» в восприятии отдельных ученых и дисциплинарных сообществ в целом, формы их конкретного участия и влияния на формирование новых внешне- и внутриполитических установок советского руководства. Мало исследован круг вопросов, связанных с оценкой того, как и в какой мере непосредственные, ожившие после вынужденной изоляции второй половины 1930-х гг. контакты советских ученых с «союзниками» и германскими коллегами повлияли на изменение научной программы и институциональной структуры отечественной науки в послевоенный период. Убедительно продемонстрированная в последние годы на большом архивном материале связь между кардинальным изменением положения различных дисциплинарных сообществ советской науки в годы войны и многочисленными послевоенными идеологическими кампаниями в СССР, а также практикой холодной войны в целом¹⁸ остается все-таки не до конца сба-

¹⁵ См., напр.: Александров К.М. Русские солдаты Вермахта: Герои или предатели. М., 2005; *Он же*. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006; Хоффманн Й. Власов против Сталина: Трагедия Русской освободительной армии. М., 2006; *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. Cambridge, 1989; *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg, 1986; *Idem.* Die Ostlegionen 1941–1943: Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1986; *Idem.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orient-Völker der Sowjetunion. Freiburg, 1991 и др.

¹⁶ Алпатов В.М. Николай-Николаас Поппе. М., 1996.

¹⁷ См.: Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русский Свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Международный исторический журнал. 1999. № 5; Сантуш П.М., дуи, Мацура О.Т. Русского астронома помнят в далекой Бразилии: К 100-летию со дня рождения Александра Ивановича Постоева // Природа. 2000. № 10. С. 79–87; Дмитриев А.Л. Два мира Ивана Алексеевича Кошкина // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 136–143 и др.

¹⁸ См.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005; Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002. С. 359–490; Сонин А.С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994; *Krementssov N.* Stalinist Science. Princeton, 1997 и др.

лансированной, более акцентируя послевоенные следствия, нежели анализируя породившие их причины.

Такое состояние историографии вполне объективно, ибо до сих пор минимально введены в научный оборот документальные материалы, свидетельствующие о том, что реально происходило с научными коллективами (вузами, институтами, лабораториями, музеями и т. п.) в эвакуации, и тем более с теми из них, кто не успел (или не захотел) эвакуироваться и остался на оккупированных территориях. В отличие от зарубежных историков науки, которые провели изучение влияния оккупационных практик на ряд национальных профессиональных сообществ, в том числе научное¹⁹, мы по-прежнему очень мало знаем о том, как попавшие в оккупационный режим советские научные специалисты воспринимали его — приветствовали, игнорировали, отвергали, адаптировали и интегрировали для своих институциональных и личных целей и т. п. Был ли этот режим одинаков для разных дисциплинарных сообществ, отдельных ученых и институтов, и если нет, то чем отличался. Насколько массовыми или единичными были случаи сотрудничества с оккупантами, какими мотивами руководствовались ученые, формально или сознательно попавшие в категорию «пособников»; что конкретно представляло из себя «пособничество», инкриминировавшееся некоторым советским ученым НКВД и НКГБ в послевоенные годы, — сотрудничество по идейным, идеологическим и / или материальным соображениям, продолжение работы исходя из представления о науке как «надсоциальной» силе и / или поддержку сил противостояния / сопротивления советской власти. И наконец, остаются совершенно невыясненными количественные параметры — сколько научных специалистов было арестовано и погибло в застенках НКВД / НКГБ во время войны и после нее по обвинению в «измене», «шпионаже», «вредительстве» или «пособничестве»²⁰, сколько и по каким причинам оказалось на постоянной или временной работе в Германии (вывезены в принудительном порядке или выехали добровольно), сколько и с какой мотивацией перешло к союзникам, сформировав так называемую послевоенную волну эмиграции. Этот поток советского беженства, в котором значительное место занимали научные специалисты, минимально, особенно в сравнении с постреволюционной волной эмиграции, изучен на просопографическом и микросоциологическом уровнях²¹. Между тем значение его деятельности огромно, ибо именно эти беженцы в период холодной войны во многом формировали представления западного общества, его руководителей и спецслужб о СССР и советском обществе.

На протяжении многих десятилетий необходимые для достоверного исторического анализа исходные данные о состоянии советского научного сообщества

¹⁹ См., напр.: *Lagrou P. The Legacy of Nazi-occupation: Patriotic Memory and National Recovery in Western Europe, 1945–1965. Cambridge, 2000; Science and Survival in the Pacific, 1939–1945 / Ed. by Roy M. MacLeod. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.*

²⁰ В настоящей работе используется постановка этой проблемы, данная в статье: *Сорокина М.Ю. Наука и Третий рейх: борьба за ресурсы // Природа. 2003. № 8. С. 73–80.*

²¹ Первые шаги в этом направлении были сделаны еще самими учеными-беженцами; см. также: *Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.*

отсутствовали в открытой печати СССР и России. Даже имевшая привилегированное по сравнению с другими научными институтами положение Академия наук СССР смогла опубликовать первые два тома своего «Персонального состава» только в 1984 г. Разумеется, по обстоятельствам времени они не содержали имен исключенных, репрессированных и эмигрировавших членов АН. Неудивительно, что Российская академия наук и по сей день не имеет ни полного мартиролога кадровых потерь в годы Второй мировой войны, ни более-менее точного списка сотрудников, репрессированных в годы сталинизма, ни реальных количественных данных об эмигрировавших специалистах. Долгие годы «научные ресурсы»²² вообще не осознавались ни властью, ни советским обществом как часть национального культурного достояния и само понятие было редуцировано до формулы «люди, здания, библиотеки». Если первые тома официального свода утраченных в годы Второй мировой войны отечественных культурных ценностей с опозданием в пятьдесят лет, но все-таки опубликованы в России к исходу XX в.²³, то охватывают они преимущественно художественные ценности — произведения живописи, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, а также библиотеки и архивы. Достоверного и полного списка потерь научных ресурсов в годы сталинизма и Второй мировой войны нет и, видимо, уже никогда не будет создано.

В то же время отсутствие надежных базовых сведений по «трудным» вопросам истории российской науки зависит не только от традиционной советской секретности, окружавшей многие области научных исследований, но и от того, что само научное сообщество не очень стремится переосмысливать негативный опыт прошлого. Историки немало знают о фашистских докторях, биологах, историках²⁴, о взаимоотношениях выдающегося немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889–1976) или не менее выдающегося франко-американского медика, лауреата Нобелевской премии Алексиса Карреля (1873–1944) с режимами Гитлера и Виши²⁵. Однако

²² Под этим термином мы понимаем совокупность интеллектуальных (продукты мыслительной деятельности — идеи, программы, гипотезы, концепции и т. п.), человеческих (непосредственно институции и их кадры) и материальных (археологические коллекции, архивы, библиотеки, собрания карт, штаммов вакцин и сывороток (музеи живых культур), «стеклянных библиотек» (снимки неба), генного растительного и животного материала, коллекций почв, геологических и минералогических образцов и т. д., а также здания, помещения и др. материально-хозяйственные объекты) ценностей.

²³ См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны: В 11 т. М., 1999–2002.

²⁴ См., напр.: *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988; *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt am Main; Bern; N. Y.; P., 1990; *Deichmann U.* Biologen unter Hitler. Frankfurt am Main; N. Y., 1992; *Kater M.H.* Doctors Under Hitler. Chapel Hill; L., 1989; *Rössler M.* «Wissenschaft und Lebensraum»: Geographische Ostforschung im Nationalsozialismus: Ein Beitrag zur Disziplingeschichte der Geographie. Berlin; Hamburg, 1990; *Rössler M., Schleiernmacher S.* Der «Generalplan Ost»: Hauptlinien der national-sozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin, 1993; *Schulze W., Oexle O.G.* Deutsche Historiker im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1999 и мн. др.

²⁵ См.: *Farias V.* Heidegger and Nazism. Philadelphia (Penn.): Temple Univ. Press, 1989; *Drouard A.* Une Inconnue des Sciences Sociales: La Fondation Alexis Carrel, 1941–1945. P., 1992; *Reggiani A.H.* Alexis Carrel, the Unknown: Eugenics and Population Research under Vichy // French Historical Studies. 2002. Vol. 25. № 2.

до сих пор трудно представить, что в России могут появиться научные исследования таких тем, как, например, «Вернадский / Курчатов / Бурденко (и проч.) и сталинизм». Режим корпоративной закрытости влияет на то, что и сегодня сведения о работе научных учреждений на оккупированных в годы Второй мировой войны территориях СССР почти совершенно исключены из их официальной истории.

Стоит отметить также, что круг доступных в России архивных источников по проблематике оккупации остается весьма ограниченным. В силу понятных причин на протяжении почти всей второй половины XX в. «голоса» тех, кто так или иначе оказался связан с немецким оккупационным режимом, или молчали, или звучали в НКВД / НКГБ или уже за рубежом. Тем не менее они встречаются в ряде недавно открытых архивных фондов советских учреждений, например Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Материалы ЧГК, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), представляют особенный интерес, так как в рамках первичных расследований этой комиссии был накоплен значительный объем «показаний» научных специалистов о положении высшей школы и научной жизни во время оккупации. Аналогичные материалы собирались и различными, в том числе академическими, комиссиями по истории Великой Отечественной войны. Большой комплекс интервью с бывшими советскими гражданами — перемещенными лицами был проведен в послевоенные годы по специальным программам в университетах США и Европы и ныне доступен для изучения²⁶.

Личные архивные фонды и семейные архивы ученых сохранили также немало свидетельств об их жизни и деятельности в годы фашистской оккупации²⁷. Немало воспоминаний «ди-пи», написанных уже после войны, было опубликовано в различных эмигрантских изданиях; в последние десятилетия некоторые из них изданы и в России²⁸. Однако в отличие, например, от Украины архивно-следственные дела «пособников», сосредоточенные в архивах Федеральной службы безопасности России, остаются минимально доступными. Между тем без их детального и объективного анализа невозможно дать ответ на вопрос, было ли сотрудничество ряда советских специалистов с немецким оккупационным режимом («научный коллаборационизм») отдельными, локальными случаями или за ним стоит некий целостный феномен, требующий отдельного изучения.

Данная статья, обзорная по своему характеру, рассматривает различные модели поведения части научных специалистов, по различным причинам оказавшихся

²⁶ См.: *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003; *Hanffman E., Beier H.* Six Russian Men: Lives in Turmoil. North Quincy (Mass.), 1976.

²⁷ См., напр., личный архивный фонд члена-корреспондента АН СССР М.Д. Залесского в Архиве РАН; его материалы частично отражены в статье: *Сорокина М.Ю.* Наука и Третий рейх.

²⁸ См.: *Нератова Р.* В дни войны: Семейная хроника. СПб., 1996; *Пирожкова В.А.* Мои три жизни: Автобиографические очерки. СПб., 2002; *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000; «Свершилось. Пришли немцы!»: Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны М., 2012 и др.

на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны и в тех или иных формах сотрудничавших с германскими и румынскими оккупационными властями. Она фокусирует внимание на судьбах тех специалистов, которые, не разделяя нацистской идеологии, приняли сознательное решение о взаимодействии с местными оккупационными властями, исходя из своей внутренней и профессиональной мотивации, основанной на определенном социальном опыте, общественных идеалах и научных приоритетах. Предлагается интерпретировать некоторые случаи «профессорского коллаборационизма» как одну из форм проявления «внутренней эмиграции», неприятия и сопротивления сталинскому режиму.

ПО ЭТУ ЛИНИЮ ФРОНТА...

Великая Отечественная война стимулировала гражданские и научные инициативы советского научного сообщества, а также способствовала интенсивному возобновлению его утерянных в предвоенные годы международных научных связей. На протяжении 1930-х гг. многие научные институты были задействованы в различных программах советского военно-промышленного комплекса²⁹. Однако только накануне Второй мировой войны ведущая роль науки в приближавшемся военном конфликте получила концептуальное осмысление в работах сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, доктора экономических наук Сергея Михайловича Вишнева (1889–1987)³⁰. В отличие от политических и военных руководителей СССР, рассматривавших войну как сугубо идеологическое и военно-техническое противостояние, Вишнев сформулировал концепцию мировой войны как противоборства / столкновения / борьбы научно-технических идей, интеллекта и науки участвующих сторон³¹. Публично эта

²⁹ См.: Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России. М., 2003. С. 59–139.

³⁰ В течение двенадцати лет (1922–1934) С.М. Вишнев, получивший образование в Петроградском политехническом институте и на математическом отделении физико-математического факультета Петроградского университета, служил в Разведывательном управлении Штаба РККА, параллельно работая экспертом в различных наркоматах. В 1934 г. откомандирован в Институт мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии для научной работы и проработал здесь до 1955 г. В декабре 1938 г., будучи кандидатом экономических наук, выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, однако ни в 1939 г., ни позднее избран не был. Доктор экономических наук с 1939 г. Накануне войны в монографии «Экономические ресурсы Германии. Экономическая база Германии в новой европейской войне» (М., 1940) продемонстрировал экономическую способность гитлеровского режима вести длительную войну. В 1944–1945 гг. эксперт Межсоюзной репарационной комиссии; в 1946 г. командирован в распоряжение уполномоченного Особого комитета по Германии при Совете министров СССР для подготовки аналитического обзора экономики Германии, вскоре возглавил сектор сырья и промышленности вновь созданного Института экономики АН СССР. В 1950-е гг. член коллегии Госплана СССР. С начала 1960-х гг. старший научный сотрудник созданной академиком В.С. Немчиновым Лаборатории экономико-математических методов АН СССР — Центрального экономико-математического института АН СССР. См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 13. Д. 71 (личное дело).

³¹ 24 апреля 1941 г. в Отделении экономики и права АН СССР состоялось обсуждение доклада С.М. Вишнева «Вторая империалистическая война моторов и производственных резервов» (АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 21а. Л. 26 об.–32 об.).

концепция впервые прозвучала в марте 1939 г. в выступлении на XVIII Всесоюзной партконференции заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского, который предрекал, что в будущей войне основную роль будут играть «моторы» (научно-технические разработки) и «резервы» (научные идеи и кадры). Между тем такое характерное для своего времени понимание внутренних механизмов надвигавшегося военного конфликта не получило широкого распространения в советской партийно-государственной элите и осталось уделом внимания ее отдельных представителей.

С началом войны концепция Вишнева получила развитие и практическое наполнение в предложениях другого академического экономиста — сотрудника Совета по обследованию производительных сил АН СССР, доктора экономических наук Александра Михайловича Волкова (1891–1954)³². Проведя широкий компаративный анализ исторической практики использования научного потенциала различными капиталистическими странами и Россией в период и после Первой мировой войны, в июне 1941 г. он составил программное письмо «О мобилизации научных исследований в целях обороны», в котором предложил учредить Комитет по мобилизации науки с широкими полномочиями³³. Инициатива Волкова была поддержана его патроном — директором Института металлургии, академиком И.П. Бардиным, который немедленно переправил текст Волкова вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту со своим отзывом: «Это записка, по моему мнению, совершенно правильно ставит вопрос о возможной помощи со стороны науки и научных лабораторий. Она требует сокращения, но действовать надо без промедлений. Война — отечественная по духу, а по стратегии она должна быть войной XX века, т. е. все решать быстро, скоро и новым методом. Переработанный этот документ, по моему мнению, должен быть представлен от имени АН СССР правительству»³⁴.

³² А.М. Волков окончил Киевский коммерческий институт и руководил в Киеве городской, а после 1917 г. и губернской статистикой. На протяжении ряда лет возглавлял Центральное статистическое управление (ЦСУ) Украины, в 1924–1925 гг. — промышленную и кредитно-денежную секцию Госплана УССР. С 1926 г. жил в Москве, член коллегии ЦСУ СССР и профессор экономической географии в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1927 г. отправлен уполномоченным ЦСУ СССР в Среднюю Азию (Ташкент), заведовал здесь кафедрой мирового хозяйства Среднеазиатского государственного университета. С 1928 г. главный редактор изданий ЦСУ СССР, профессор экономгеографии во 2-м МГУ. С 1929 г., видимо по политическим причинам, карьера Волкова пошла резко на спад: научный сотрудник Государственного института социальной гигиены (1929–1930), профессор статистики Московского института инженеров молочной промышленности (1930–1931), научный сотрудник Института каучука и гуттаперчи (1931–1935). В 1935–1936 гг. он работал в Карело-Мурманской экономической бригаде комплексной Кольской экспедиции Совета по производительным силам (СОПС) АН СССР; в 1936–1937 гг. экономист юго-западной партии Камчатской экспедиции СОПС и после возвращения в Москву в 1938 до 1945 г. работал в СОПС АН СССР. В апреле 1939 г. защитил диссертацию и стал доктором экономических наук. В годы войны руководил работой бригады академика И.П. Бардина по перспективам развития металлургии на Северном Урале, член комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана на нужды обороны. С 1945 г. старший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР; с 1949 г. — Транспортной секции АН СССР. См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 313 (личное дело).

³³ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1941). Д. 221. Л. 1–7.

³⁴ Там же. Л. 8–8 об.

В целях активизации международных связей союзников в сентябре 1941 г. АН СССР совместно со Всесоюзным обществом культурных связей с границей разрабатывала проект издания сборника статей «Ученые и Отечественная война» для научных кругов США и Англии³⁵. Предполагалось, что авторами книги станут советские специалисты, хорошо известные западному научному миру, каждый из которых напишет раздел по своей специальности в общем антифашистском контексте. Вступительная статья за подписью президента или вице-президента АН должна была дать иностранным читателям представление о том, что деятельность советских ученых в условиях войны прежде всего направлена на борьбу с общим врагом всего прогрессивного человечества.

Линию на укрепление международного сотрудничества и антифашистских связей должно было поддержать и подписанное в конце декабря 1941 г. вице-президентом АН СССР, академиком О.Ю. Шмидтом обращение Президиума Академии к правительству СССР о необходимости создания специального комитета для учета ущерба, причиненного фашистскими оккупантами культурному наследию советского народа³⁶. Ученые предлагали, чтобы Комитет широко информировал мировую общественность о масштабах гитлеровского вандализма в области культуры, а кроме того, взял бы под свою защиту памятники культуры и искусства на территориях, освобождаемых от фашистов, до передачи их органам советской власти. АН СССР также инициировала широкую публикацию в мировой прессе «Обращения по поводу надругательства немецко-фашистских разбойников над памятниками русской культуры» с призывом теснее сплотиться вокруг лидеров Антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритании³⁷.

Эти документы, по разным причинам не дошедшие до адресата³⁸, как, впрочем, и множество других инициатив академического сообщества, остались без реализации. Невостребованность предложений ученых явилась отражением общей неготовности страны к войне и в полной мере сказалась на характере использования науки и научных работников на начальном этапе военных действий. Несмотря на то что к 1941 г. АН СССР представляла собой мощную научную силу³⁹, и власти, и сама Академия весьма посредственно подготовились к предстоящему использованию научного потенциала в военных условиях. Многие научные сотрудники АН СССР, разделяя патриотический подъем советских людей, с началом войны сразу направились на призывные пункты. За годы войны около 2000 сотрудников Академии, т. е. чуть меньше половины всего научно-технического со-

³⁵ См.: Там же. Д. 237. Л. 2.

³⁶ См.: Там же. Д. 227. Л. 19.

³⁷ Там же. Д. 226. Л. 35–38.

³⁸ На копии документа, оставшейся в архивном деле «Личная переписка вице-президента О.Ю. Шмидта», стоит помета: «Не послано. А. Деборин». Известный философ от марксизма, действительный член АН СССР Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) в это время являлся академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР.

³⁹ АН СССР объединяла 47 исследовательских институтов, 76 самостоятельных лабораторий, станций, советов, обществ, обсерваторий и т. д.; 123 действительных члена, 182 члена-корреспондента и 4700 научных и научно-технических сотрудников, в том числе 1673 докторов и кандидатов наук, что составляло 11% от научных учреждений СССР, 10% от НИИ, 5% научных кадров страны.

става, оказались на фронте, где погиб целый ряд известных ученых⁴⁰. Академические учреждения Москвы и Ленинграда не имели четких эвакуационных планов, и их отправка на восток привела к рассредоточению институтов по 45 пунктам страны, причем нередко руководители института оказывались в одном городе, а его сотрудники — совсем в другом. Таким образом, вместо концентрации различных видов научных ресурсов, предлагавшейся учеными, произошло их распыление и даже физическое уничтожение⁴¹.

Между тем с началом войны роль советской академической элиты как одного из важнейших инструментов и проводников сталинской внешнеполитической пропаганды была подтверждена сначала созданием Антифашистского комитета советских ученых в рамках Совинформбюро, а затем выдвижением ряда академиков в состав Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Под грифом и от лица ЧГК на русском и английском языках в 1943–1945 гг. публиковались «Сообщения» о фашистских военных преступлениях на территории СССР и Польши, ставшие впоследствии основой советской части обвинения на Нюрнбергском

⁴⁰ См.: *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 383.

⁴¹ См., напр., драматическую историю эвакуации Московского университета в Туркмению: *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета. М., 2004, а также: «Сидим голодные и без новостей»: Академия наук СССР в эвакуации. 1941–1943 гг. / Публ. Н. Сидорова // *Источник: Документы русской истории.* 1999. № 2. С. 59–69; *Кольцов А.В.* «Пережитого за истекший месяц я не забуду»: Записка академика С.А. Жебелева о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда [вступ. ст. к публ.]: *Жебелев С.А.* Моя «эвакуация» / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Кольцова // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 349–370; *Сорокина М.Ю.* О записке Е.Л. Кринова [вступ. ст. к публ.]: *Кринов Е.Л.* Октябрь 1941-го в Москве // *Природа.* 2005. № 5. С. 10–15 и др. Неэффективность использования научного потенциала в условиях военного времени жестко критиковалась в начале марта 1943 г. в докладной записке «О централизации руководства научно-исследовательской работой в стране», подписанной начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в скором будущем (1946) академиком АН СССР Г.Ф. Александровым и направленной секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, а также секретарям ЦК А.А. Жданову, А.А. Андрееву, Г.К. Маленкову и В.М. Молотову (см.: *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 45–49). Александров негативно оценивал результаты деятельности научных коллективов за прошедшие годы войны. По его мнению, «научный аппарат» страны на ¼ работал вхолостую, советская научно-техническая мысль серьезно отставала в разработке новых видов вооружений, а реализация законченных работ научно-исследовательских институтов проходила крайне медленно. Панацеей главный пропагандист считал централизацию управления и предлагал создать Научно-технический комитет при СНК СССР. Конечно, записка Александра была прежде всего инструментом в борьбе различных группировок советской партийно-государственной элиты за властный контроль над сферой своей деятельности и в этом качестве сгущала краски. В то же время она показывает, что и в высшей партийной среде существовала реалистичная оценка существовавшего положения. Любопытно, что в это же время сами академические ученые — группа влиятельных академиков и членов-корреспондентов АН СССР во главе с Н.Г. Бруевичем (А.И. Абрикосов, А.Н. Фрумкин и др.) — также предлагали реорганизовать систему государственного управления научной деятельностью и предлагали весьма похожий проект создания Комитета ученых при Всесоюзном комитете по делам высшей школы (ВКВШ) (см.: *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 8–9 об.). Записка академиков была поддержана уполномоченным ГКО и председателем ВКВШ С.М. Кафтановым. Встретив сопротивление влиятельных научных администраторов, проект Александра остался без последствий. Непубличные дебаты закончились победой научной элиты, однако и ее предложения в свою очередь были отвергнуты верховной властью.

процессе (1945–1946)⁴². Из десяти титульных членов ЧГК шесть были действительными членами Академии наук СССР.

Сами члены Комиссии прекрасно понимали, что ее «академический» состав неслучаен. Историк академик Е.В. Тарле точно сформулировал смысл социального заказа: «От комиссии требуется не только собирать, критически анализировать и систематизировать материалы, но и научно-историческое осмысление этих материалов»⁴³. В конце сентября 1943 г. академики — члены ЧГК выступили с докладами о своей работе по расследованию фашистских преступлений и на первом после начала войны Общем собрании АН СССР, проходившем в Москве и получившем широкое освещение в советских и зарубежных средствах массовой информации. Доклады имели максимальную академическую аудиторию — они состоялись в последний день Общего собрания, когда в зале уже сидели не только вернувшиеся из эвакуации коллеги, но и вновь избранные тридцать шесть академиков и пятьдесят восемь членов-корреспондентов, многие из которых были тесно связаны с набиравшим силу советским «Атомным проектом» и существенно влияли на положение Академии и научных работников во властном сообществе.

С другой стороны, выступление каждого из академиков — членов ЧГК имело смысловую доминанту, адресованную не только коллегам по научному цеху, но обращенную прежде всего «urbi et orbi». Так, академик Б.Е. Веденеев (1884/85–1946), возглавлявший отдел ЧГК по учету ущерба промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству, заявил, что материальный ущерб, нанесенный фашистской агрессией СССР, будет насчитывать сотни миллиардов рублей и что «германскому народу придется много и усиленно работать для компенсации материального ущерба»⁴⁴. Медик Н.Н. Бурденко (1876–1946), в недалеком будущем председатель специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров, именно на Общем собрании АН СССР впервые публично объявил о существовании особого «немецкого метода расстрела советских граждан», на основании которого в дальнейшем будет вынесен фальсифицированный вердикт о Катынских расстрелах⁴⁵. Историк Е.В. Тарле (1874–1955) выступил с резким осуждением позиции немецких эмигрантов в Англии, США и др. странах, недостаточно, по

⁴² О ЧГК см.: Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997; Безыменский Л. Информация по-советски // Знамя. 1998. № 5. С. 191–199; Сорокина М.Ю. Где свои, а где чужие?: К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Природа. 2005. №. 10. С. 57–64; Она же. Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле // In Memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.; Париж, 2005. С. 361–389; Sorokina M. People and Procedure: Toward the History of the Soviet Investigations of the Nazi War Crimes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 4. P. 797–831; Eadem. Between Power and Professionals: Soviet Doctors Examine Katyn' // Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science / Eds. F.L. Bernstein, Ch. Burton, D. Healey. Chicago, 2010. P. 155–173.

⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 184.

⁴⁴ Там же. Л. 292–293.

⁴⁵ Там же. Л. 213–214.

его мнению, критиковавших «соотечественников»⁴⁶. Директор Института права АН СССР академик И.П. Трайнин (1886/87–1949), говоривший об «исторических корнях гитлеровских злодеяний и ответственности гитлеровцев за преступления», сделал особый акцент на преступной деятельности немецких «профессоров в офицерском мундире» («Professoren in Ofizerrock») ⁴⁷. Он остановился также на положении советских военнопленных, в том числе на судьбе исследователя Тунгусского метеорита астрофизика Леонида Кулика (1883–1942), погибшего в тифозном лазарете Спасо-Деменского лагеря военнопленных⁴⁸. Однако о том, что происходило с коллегами-учеными на оккупированных территориях, И.П. Трайнин не сказал ни слова.

Этой проблематике как теме «гибели интеллигенции» было посвящено выступление писателя-академика А.Н. Толстого (1882/83–1945), рассказавшего о недавней поездке в Харьков, где, по его словам, зимой 1941–1942 гг. погибло около 100 тыс. советских граждан, преимущественно интеллигенция⁴⁹. Именно поэтому сюда была направлена специальная комиссия Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с участием А.Н. Толстого, который 5 сентября встретился с представителями интеллигенции Харькова в местном горкоме КП(б)У⁵⁰. «Вы жили совершенно в таком мире, о котором мир остальной ничего не знает, — сказал писатель и продолжил: — Мне просто хотелось бы узнать от Вас правду о том, что было, что Вы пережили, Вы именно как украинская интеллигенция»⁵¹.

ПО ДРУГУЮ ЛИНИЮ ФРОНТА

Наряду с «мобилизацией» всех социальных слоев и профессиональных групп советского общества военный кризис открыл и возможности для публичной демонстрации многообразных отношений этого общества к сталинскому политическому режиму — от общественного протеста, военно-политической оппозиции, мировоззренческого оппонирования и создания потаенных текстов до противостояния и сопротивления ему, эмиграции и различных форм «сотрудничества» с оккупантами.

⁴⁶ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 189.

⁴⁷ Там же. Л. 147–148. Интересно, что накануне Общего собрания, 17 сентября, директор Архива АН СССР Г.А. Князев направил И.П. Трайнину справку об обстоятельствах исключения «неприятельских подданных» из состава Академии в годы Первой мировой войны (АРАН. Ф. 586. Оп. 4. Д. 8. Л. 1), что дает основания предполагать планирование акции по исключению германских ученых из состава АН СССР. Интересно, что в годы войны это так и не было сделано, зато после ее окончания, 10 января 1949 г., из состава Академии наук решением Общего собрания были исключены почетный член АН СССР, президент Лондонского королевского общества физиолог Г. Дейл и иностранные члены-корреспонденты — американский генетик, лауреат Нобелевской премии Г. Меллер и норвежский филолог О. Брок, протестовавшие против гонений на генетику в СССР и еще осенью 1948 г. сами обратившиеся в АН СССР с письмами о выходе из нее.

⁴⁸ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 149–150.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 195–196.

⁵⁰ См.: Стенограмма: РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21.

⁵¹ Там же. Л. 1.

Поставленная в военные годы в условия жесточайшего выбора между сталинизмом и гитлеризмом, часть советской научной интеллигенции, по разным причинам оказавшаяся на оккупированных территориях, отчетливо проявила себя носителем вируса сопротивления сталинскому режиму, публично (и это стоит подчеркнуть) выступив против него в различных формах гражданской и профессиональной активности. Так, взяв на себя привычную еще с XIX в. «земскую» роль выразителя интересов всего населения, научные специалисты участвовали в местных органах самоуправления на оккупированных территориях; некоторые из них выступали в качестве экспертов в расследованиях репрессивных практик НКВД; значительная группа сотрудников академических и вузовских учреждений просто продолжала научные исследования и преподавание в период оккупации, иные — добровольно уезжали на работу в Германию, проложив дорогу как в немецкие научные учреждения, так и в исследовательские структуры союзников после окончания войны. Точное число таких специалистов неизвестно, но ясно, что оно достаточно велико — речь идет, по-видимому, о тысячах ученых.

Наиболее дальновидные советские партработники постоянно отмечали в своих донесениях в вышестоящие партийные органы, что советская пропаганда явно «не дорабатывает» по отношению к интеллигенции и тем самым «отталкивает интеллигенцию в болото обывательщины или, еще вернее, в лапы немецких оккупантов»⁵². Такой вывод сделал в своем обзоре «О положении советской интеллигенции в оккупированных районах преимущественно Ленинградской области» начальник отдела политуправления Северо-Западного фронта по работе среди партизан и населения оккупированных районов (10-й отдел), старший батальонный комиссар Беспрозванный, направивший этот документ Г.Ф. Александрову в начале мая 1942 г. Комиссар отметил, что вопрос о работе с беспартийной интеллигенцией, оставшейся в тылу врага, встречает мало сочувствия и практической поддержки среди партработников. Большинство из них, по его мнению, рассуждали близоруко: интеллигенция не дети, если до сих пор не разобрались, с кем идти, то и бог с ними. Беспрозванный, немало времени проведенный в тылу немцев, предлагал больше и предметнее заниматься с беспартийной интеллигенцией, находившейся в оккупации. Но его предложения остались гласом вопиющего в пустыне.

В отличие от советской немецкая пропаганда приносила весомые плоды на оккупированных территориях СССР: здесь создавалась многочисленная полиция из местного населения, формировались военные части из советских граждан, особенно из молодежи, работали некоторые промышленные, сельскохозяйственные, научные и культурные учреждения. Однако своим успехом эта пропаганда была обязана прежде всего тому, что советские граждане отлично помнили предвоенные «кампании», «чистки», аресты, расстрелы, лагеря, голод и т. п. и были готовы принять едва ли не любую власть, которая защитила бы

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 47–49.

их от психологического и физического террора сталинизма. Научное сообщество не было исключением в этом отношении. В совокупности с членами семей процессы деструктивной сталинизации российского общества затронули (и нарушили) жизнь и профессиональную деятельность многих тысяч научных специалистов, вызвав тем самым накопление огромного потенциала глухого недовольства внутри режима, немедленно обнаружившегося при соответствующих условиях.

Неудивительно, что приехавший в августе 1943 г. в Орел для расследования фашистских преступлений член ЧГК академик Н.Н. Бурденко был потрясен не столько разрушениями в городе, сколько реакцией соотечественников, побывавших в плену и в оккупации, на появление высокого советского чиновника. «Картины, которые пришлось видеть, — писал он председателю ЧГК Н.М. Швернику, — не только поражали воображение, но они совершенно парализовали мысль и ввергали в оцепенение. Раненые в первый раз видели меня — русского врача и видели сопровождающих меня врачей и могли судить обо мне как начальнике, но я ни на одном лице не видел чувства, не говорю о радости, удовольствия. На приветствие “Здравствуйте, товарищи” — было угрюмое молчание и на лицах — утомление, равнодушие. Эта ошеломляющая картина заставила меня задуматься — в чем тут дело? Очевидно, эмоция страха и отчаяния пережитых месяцев поставила знак равенства между жизнью и смертью, между волей к свободной жизни и рабством. Я наблюдал три дня людей, перевязывал их, эвакуировал — психологический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей и прочих групп орловской интеллигенции»⁵³.

Невдомек было академику, что довоенный Орел сочетал в себе место ссылки московских и ленинградских ученых, тюремного заключения подлинных и мнимых участников сталинской партийной «оппозиции» и крупного религиозно-сектантского центра⁵⁴. Вся вторую половину 1930-х гг. Орловщину сотрясали массовые политические репрессии; только в 1937–1938 гг. на территории области были арестованы и осуждены более 17 тыс. человек. Здесь в Орловском центре сидела большая группа осужденных по «контрреволюционной» 58-й статье коминтерновцев и военных, большинство из которых было расстреляно НКВД при приближении немцев 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу. Память об этих событиях была свежа у жителей, передавалась изустно, в том числе среди советских военнопленных, и появление очередного «сталинского сокола» предсказуемо вызывало реакцию испуга и отторжения.

⁵³ Цит. по: *Сорокина М.Ю.* Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле. С. 377.

⁵⁴ Так, в частности, город издавна был одним из центров «имяславия» — религиозного движения, утверждавшего мистическое присутствие Бога в самом имени Божиим, учения, в то время отвергнутого Православной церковью (и называвшегося оппонентами «имябожеской ересью»). Здесь во второй половине 1930-х гг. находились в ссылке известные ленинградские востоковеды: иранист-филолог К.Д. Ильина и ее супруг, исследователь и переводчик арабской и персидской поэзии В.А. Эберман, китаевед М.П. Лаврова и др.

Репрессированные в советское время научные специалисты стали одной из, хотя и весьма непрочных, опор оккупационной немецкой власти на местах, особенно в областных и республиканских центрах. Так, наряду с Орлом, Новгород был также одним из тех городов, где концентрировалась научная и художественная интеллигенция, осужденная по 58-й статье и после освобождения не имевшая права вернуться в родной город. Неудивительно, что в первый состав его городского управления в начале оккупации вошли пережившие аресты в 1930-е гг. археолог и историк Владимир Сергеевич Пономарев (1907–1978)⁵⁵, филолог Борис Андреевич Филистинский (1905–1991)⁵⁶, геофизик и писатель Александр Николаевич Егунов (1905–1980)⁵⁷. В Киеве председателем городской управы с 21 сентября 1941 г. стал первый доктор исторических наук на Украине, сотрудник Всеукраинской академии наук Александр Петрович Оглоблин (1899–1992)⁵⁸, арестованный и затем освобожденный в конце 1930 г. Другой представитель «киевского научного коллаборационизма», заведующий отделом народного образования в город-

⁵⁵ Арестованный в 1932 г. по «Новгородскому музейному делу», после отбытия пятилетнего срока заключения в Коми Пономарев с 1937 г. служил в Новгородском государственном музее-заповеднике. Возглавлял Новгородскую городскую управу два месяца, а затем вернулся к своей профессиональной деятельности хранителя фондов музея-заповедника. Сегодня признано, что благодаря усилиям Пономарева сохранилась и была в конечном итоге возвращена в Великий Новгород наиболее ценная часть музейных коллекций, сначала вывезенная гитлеровцами, а в конце Второй мировой войны попавшая к союзникам. Однако сам В.С. Пономарев уже никогда не вернулся в СССР и преподавал в Марбургском университете в Германии.

⁵⁶ Арестован в 1927 г. за участие в религиозно-философском кружке С. Аскольдова во время учебы в Ленинградском восточном институте. В 1936 г. повторно арестован, осужден на пять лет, которые провел в лагерях Коми и по освобождении поселился в 1941 г. в Новгороде. По утверждению Б.Н. Ковалева, в отличие от В.С. Пономарева, активно сотрудничал с оккупантами (см.: *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. С. 340–344). В конце 1944 г. переехал сначала в Латвию, затем в Германию. В послевоенные годы переехал в США и под именем Борис Филиппов стал известным литературоведом; его научное наследие насчитывает более 30 книг.

⁵⁷ Писал под псевдонимом Александр Котлин. Арестован в 1936 г., пятилетний срок отбывал в Ухтижемлаге, в 1941 г. вернулся в Новгород. В конце войны оказался в английской оккупационной зоне, откуда был депортирован в СССР, получил новый срок, который отбывал в Сибири. После освобождения в 1956 г. вернулся в Ухту, где около 10 лет работал в сейсморазведочных партиях. С 1956 г. жил в Ленинграде.

⁵⁸ О нем см.: *Верба І.В.* Олександр Оглоблин: Життя та праця в Україні. Київ, 1999. Считается основателем так называемой новой революционной школы в истории, которая противопоставлялась школе академика М.С. Грушевского. В конце 1930 г. арестован, но вскоре освобожден. Позднее преподавал в Киевском и Одесском университетах. По оценке современных украинских историков, в политику оккупационных властей не вмешивался, занимаясь прежде всего хозяйственной деятельностью (восстановление движения трамвая, подача электричества) и максимально поощряя деятельность украинских национальных организаций, издание литературы на украинском языке. Именно за излишний, по их мнению, «украинский национализм» Оглоблин всего через месяц после назначения, 25 октября 1941 г., был уволен с должности бургомистра, но оставался профессором Киевского университета, а с 1942 г. работал директором Музея-архива переходного периода, собирал данные о разрушении большевиками исторических памятников в 1930-е гг. В 1943 г. бежал во Львов. С 1944 г. жил в Праге, преподавал в Украинском свободном университете. В 1945 г. уехал с университетом в Мюнхен; в 1951 г. переехал в США. В 1968–1970 гг. приглашенный профессор истории в Гарвардском университете. Издал в США ряд монографий по украинской истории.

ской управе при А.П. Оглоблине Константин Феодосьевич Штеппа (1896–1958) был известным историком-византинистом, репрессированным в 1938 г.⁵⁹

Но даже те из специалистов, которые лично не испытали ужасов репрессивной политики, несомненно, имели свой счет к сталинскому режиму. Начальник городского управления Смоленска адвокат Борис Григорьевич Меньшагин (1902–1984)⁶⁰ еще в довоенные годы защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» — в период массовых арестов и добился пересмотра ряда смертных приговоров, дойдя до самого прокурора СССР А.Я. Вышинского. Вряд ли можно сомневаться в том, что и в соратники по городской администрации Меньшагин подбирали людей, разделявших его взгляды: его помощником стал профессор астрономии и геодезии Смоленского университета Борис Васильевич Базилевский (1885–1955)⁶¹; физик, профессор В.Е. Ефимов возглавил отдел просвещения, доцент К.Е. Ефимов — отдел городского врача, а профессор В.А. Меланьев — жилищный отдел.

Даже из этого краткого перечня видно, что на первом этапе войны колониальная политика немецких оккупационных властей, как и в Европе, направленная на создание опоры среди местного населения и поэтому официально нацеленная на использование местных ученых и преподавателей по специальности или на административных должностях, нередко находила отклик и понимание в научной среде.

Городские управы на оккупированных территориях повсеместно возглавлялись представителями советской научной интеллигенции: бургомистром Нальчика стал профессор Леонид Дайнеко, преподаватель Нальчикского педагогического института, Минска — историк Витовт Тумаш и др.

Немцы тонко учитывали психологическую предрасположенность интеллигенции к реализации себя и своего гражданского и научного потенциала и повсеместно в начале оккупации предлагали образованным местным кадрам участвовать в организации городского управления. Уже через неделю после захвата Харькова, 30 октября 1941 г., оккупационные власти собрали около сорока чело-

⁵⁹ Зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Киевского университета, позднее — декан исторического факультета здесь же, председатель Комиссии по истории Византии АН УССР (1931), депутат Киевского горсовета. В феврале 1938 г. арестован НКВД и без предъявления обвинения содержался в тюрьме до 1939 г. (см.: *Верба І.В.* Кость Штеппа // *Український історичний журнал*. 1999. Вып. 3; XX век — История одной семьи / Под ред. А.В. Попова. М., 2003). Во время оккупации назначен ректором Киевского университета, возглавлял газету «Новое украинское слово»; в дальнейшем покинул СССР и жил в Берлине. В 1944 г. его семья получила немецкое гражданство, а сам он редактировал журнал для оstarбайтеров и власовцев «На досуге». В 1950 г. один из учредителей и сотрудник Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. С 1952 г. жил в США, где написал ряд исторических исследований.

⁶⁰ В конце войны оказался в Чехословакии, где сдался советским войскам, ошибочно считая, что его семья оказалась в руках спецслужб СССР. Приговорен к 25 годам лишения свободы, которые отбывал во Владимирской тюрьме (вместе с бывшим депутатом Государственной думы В.В. Шульгиным). В 1970 г. освобожден, остаток дней провел в доме для престарелых.

⁶¹ Выступил на Нюрнбергском процессе свидетелем с советской стороны по Катюни, обвинив немцев в расстреле польских военнопленных. В дальнейшем преподавал в Новосибирске, автор научных работ.

век из числа городской интеллигенции, преимущественно тех, кто был связан с Технологическим институтом, и предложили им выдвинуть кандидатов на должности бургомистра и членов управы. В результате первым бургомистром стал профессор Харьковского технологического института Александр Иванович Крамаренко (1882–1943), проработавший на этом посту до апреля 1942 г.⁶² Его преемником был назначен адвокат Александр Платонович Семененко (1898–1978)⁶³, а в последний период оккупации (15 марта — 30 апреля 1943) эту должность занимал профессор физической химии Павел Павлович Козакевич (1898 — после 1974), в 1930-е гг. руководивший физико-химической лабораторией Научно-исследовательского института химии при Харьковском университете⁶⁴.

Никто из этих научных специалистов не был идейным сторонником нацизма. Их участие в оккупационных администрациях было мотивировано совсем другими факторами, прежде всего — негативным отношением к большевистской практике социалистического строительства и желанием построить новый, более справедливый порядок. Кроме того, действовал инерционный механизм «исторической памяти» — научное сообщество имело самые тесные связи с Германией из всех профессиональных сообществ; многие научные специалисты учились и стажировались в университетах Германии, постоянно сотрудничали с немецкими коллегами, даже в предвоенные годы, сохраняя глубокое уважение к достижениям немецкой научной мысли. Более того, многие помнили, что в годы Гражданской войны, а прошло всего двадцать лет после ее окончания, в череде сменявших друг друга «красных», «белых», «зеленых» властей, одинаково беспощадно грабивших и унижавших местное население, немецкие войска выделялись дисциплиной и не были так «грубы, черствы, жестоки», как иные местные властители⁶⁵. В то же время харьковские профессора на встрече с А.Н. Толстым в сентябре 1943 г. рассказывали о всеобщем испуге горожан при занятии Харькова Красной армией в феврале того же года, когда в город вошли не доблестные части-освободители, а полупартизанский отряд — «красноармейцы на коровах и лошадях»⁶⁶.

Наконец, в деятельности многих ученых, принимавших участие в городском управлении на оккупированных территориях Украины, была отчетливо выражена мотивация к созданию нового строя жизни на основе идеи национального возрождения и формирования самостоятельного украинского государства. Профессор Харьковского механико-машиностроительного института Александр Васильевич Терещенко (1883–1946), исполнявший некоторое время при немцах обязанности директора Харьковского технологического института, рассказы-

⁶² В январе 1943 г. арестован и казнен гитлеровцами. См.: *Скоробогатов А.В.* Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків, 2004.

⁶³ После войны жил в Бразилии и США, работал юристом. См. его воспоминания: *Kharkiv, Kharkiv. [München]*, 1976.

⁶⁴ После войны жил во Франции. В журнале «*Revue Métallurgie*» и др. опубликовано около четырех десятков его научных работ по исследованию поверхностных и объемных свойств расплавов металлов и оксидов металлов.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21. Л. 22–23.

⁶⁶ См.: Там же. Л. 14, 30.

вал А.Н. Толстому, что «украинцы надеялись, что немцы создадут украинскую державу вплоть до границ Кавказа»⁶⁷. Эти надежды оказались иллюзорными и через некоторое время рассеялись. Однако вопреки утверждениям советской пропаганды о том, что все высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, музеи и библиотеки в Харькове были закрыты оккупантами, а многие известные специалисты (академик архитектуры А.Н. Бекетов, профессора А.С. Федоров, С.М. Стахорский и др.) расстреляны в 1941 г., культурная и научная жизнь города на начальном этапе оккупации была довольно интенсивной, а активность интеллигенции — высокой. Известный психиатр Е.С. Катков свидетельствовал, что в Харькове немцы приглашали научных специалистов на высокие посты в различные сферы городского управления, особенно химиков⁶⁸. Уже упомянутый А.В. Терещенко подтверждал, что немцы не хотели портить отношений с интеллигенцией. Так, например, на двери квартиры действительного члена Всеукраинской академии наук, заведующего кафедрой технологии пирогенных процессов Харьковского технологического института Мефодия Ивановича Кузнецова (1879–1950), в дальнейшем уехавшего в Германию, была повешена табличка-приказ, запрещающая даже немцам входить в этот дом. Немецкие оккупационные власти оказывали помощь в наведении порядка в исследовательских лабораториях и даже занимались «заигрыванием» с городской интеллигенцией, повысив зарплаты работников Центральной библиотеки им. В.Г. Короленко в три раза⁶⁹.

Несомненно, возможность сохранения и поддержания драгоценных для специалистов научных ресурсов, а также открытие новых привлекали ученых к взаимодействию с немецкими властями, также заинтересованными в абсорбции лояльных местных научных кадров и ресурсов. В оккупированном Киеве немецкая администрация организовала и открыла Музей древней истории, базой которого стали археологические коллекции Исторического музея, практически целиком оставшиеся в городе. Директором музея был назначен известный немецкий археолог-медиевист Пауль Гримм (Grimm; 1907–1993), в то время военный служащий, сразу принявший на работу местных археологов разных поколений. В организованном немцами Институте сельскохозяйственной ботаники в том же Киеве работали специалисты из Житомира, Харькова, Винницы, Аскании-Нова и др. Среди них, в частности, были член-корреспондент АН УССР Евгений Иванович Бордзиловский (1885–1948), профессора А.М. Бурачинский, Ю.Д. Клеопов и др. Институт возглавлялся дуумвиратом: немецким директором стал профессор геоботаники Генрих Вальтер (1898–1989)⁷⁰, украинским — Юрий Дмитриевич Клеопов (1902–1943)⁷¹.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 9.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 24–29.

⁷⁰ Родился в Одессе. Во время оккупации Крыма директор Никитского ботанического сада. По материалам, собранным в Крыму, издал в 1943 г. книгу «Крым. Климат, растительность и сельскохозяйственное освоение». Профессор Высшей школы мировой торговли в Вене (Австрия) после войны.

⁷¹ См.: Ю.Д. Клеопов (1902–1943): до 100-річчя від дня народження. Київ, 2002.

В Ставрополе директором краеведческого музея при немцах был назначен известный палеонтолог, доцент Ставропольского педагогического института Борис Федорович Каспиев (1886–1964)⁷².

Не менее интенсивное сотрудничество оккупационных властей и местной научной интеллигенции наблюдалось в ряде центров высшего образования. Так, в Одессе при румынских оккупационных властях почти сразу была восстановлена деятельность университета, ректором которого стал известный хирург, профессор Павел Георгиевич Часовников (1878–1954)⁷³. Напомним, что в годы Гражданской войны университеты юга России (в Одессе, Киеве, Харькове, Симферополе) были в центре Белого движения и дали наибольший процент ученых-беженцев, эвакуированных с белыми войсками из России. После победы большевиков эти университеты были закрыты, превратившись в «институты народного образования» и т. п., а вновь открыты в своем прежнем статусе только в 1933 г. Но, как и в прежние десятилетия, на свобододлюбивый юг постоянно стекались многие недовольные новой властью и / или опальные «на севере» профессора, преподаватели и научные работники, образуя самодостаточное и относительно независимое интеллектуальное пространство. Характерна в этом отношении судьба астронома Константина Дормидонтовича Покровского (1868–1945). Профессор по кафедре астрономии и директор обсерватории Юрьевского университета, Покровский после эвакуации части университета в 1916 г. в Пермь некоторое время возглавлял местный университет, а затем, при наступлении большевистских войск, вместе с группой преподавателей и студентов уходил все дальше на восток и в 1919 г. оказался в Томске. После возвращения в Петроград Покровский служил в главной российской обсерватории в Пулковке, в том числе заместителем директора, и в 1927 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР⁷⁴. С восстановлением университета в Одессе он предпочел оставить Пулково и с сентября 1934 г. возглавил Одесскую астрономическую обсерваторию. Внешне советский администратор от науки — депутат горсовета и председатель месткома университета, Покровский, однако, был известен в городе и тем, что брал на работу репрессированных. Когда с началом войны в 1941 г. Одесский университет начали постепенно эвакуировать, многие ученые старшего поколения, с дореволюционным стажем и опытом преподавания, в том числе К.Д. Покровский, известные профессора — антиковед Борис Васильевич Варнеке (1874–1944), литературовед Владимир Федорович Лазурский (1869–1947) и др. — остались в городе. После оккупации Одессы румынскими войсками в октябре 1941 г. они договорились с заместителем городского головы Г. Пынтя-Видрашку о возобновлении работы высших учебных заведений города, где на протяжении всего периода оккупации занималось около 2 тыс. студентов.

⁷² См.: *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 133. В дальнейшем Б.Ф. Каспиев жил и работал в Австралии.

⁷³ См.: *Смирнов В.А.* Осужденный ректор университета: По материалам УСБУ о хирурге П.Г. Часовникове // *Вестник региона (Одесса)*. 1999. 31 дек. № 51 (270). С. 6.

⁷⁴ См.: *Смирнов В.А., Чуприна Р.И.* Последние дни профессора К.Д. Покровского // *Природа*. 1994. № 11. С. 126–128; *Смирнов В.А.* Астрономия в Одессе в предвоенные и военные годы. Роль в ее развитии и трагическая судьба К.Д. Покровского // *Астрономия на крутых поворотах XX века*. Дубна, 1997. С. 238–247; *Зосимович И., Савчук В.* Звездные перекрестки астрономов Тарту и Украины // *Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко, Х. Танклера*. Киев, 2004. С. 29–37.

Подобных примеров коллективного делового сотрудничества местной научной интеллигенции с оккупационными властями на почве научно-культурно-образовательного взаимодействия, сохранения культурных и научных ресурсов, негативного отношения к советской власти было немало, особенно на начальном этапе войны в 1941–1942 гг. С изменением положения на фронте, усилением сопротивления в тылу войскам гитлеровской коалиции и соответствующим ему резким ужесточением репрессивных практик оккупационного режима это сотрудничество становилось все менее и менее интенсивным и добровольным. Однако весьма симптоматично, что с уходом оккупационных войск большая часть харьковской и одесской профессуры, принимавшей активное участие в поддержке научных и образовательных систем своих городов в период оккупации, не покинула родных мест, несмотря на активно распространявшиеся сведения о будущих преследованиях со стороны возвращавшихся советских властей. Значительная часть научной интеллигенции продолжала верить в свою историческую миссию носителя и хранителя культуры, научного знания и преемственности, независимых от политических режимов, и считала себя обязанной разделять жизнь своего народа.

Между тем после прихода советских войск судьба этих весьма наивных в своей вере «коллаборантов», как правило, была ужасна. Выдающийся хирург, 70-летний профессор П.Г. Часовников, организовавший большой клинический госпиталь еще в период обороны Одессы, где оперировал практически возле линии фронта и тем самым спас сотни людей, 7 марта 1947 г. был осужден на 10 лет заключения. В тюрьме Донецка, где он отбывал свой срок, его, невзирая на «предательство», постоянно заставляли оперировать крупных советских начальников. 76-летний член-корреспондент АН СССР К.Д. Покровский был арестован 10 мая 1944 г., обвинен в измене родине по ст. 58-1а Уголовного кодекса СССР («деятельное участие в созданном румынскими захватчиками профашистском органе, так называемом Антикоммунистическом институте») и вскоре скончался в тюрьме № 1 Управления НКВД по Киевской области. Одновременно с ним был арестован 70-летний профессор Б.В. Варнеке. Обвиненный по той же статье, профессор после этапирования в Киев скончался 31 июля 1944 г., находясь в больнице при той же тюрьме. Арестованный вместе с ними и также отправленный в Киев профессор В.Ф. Лазурский был возвращен в Одессу только после вмешательства двоюродного брата его жены, президента Академии наук Украины академика А.А. Богомольца, но вскоре, в 1947 г., скончался⁷⁵.

Обвинение в измене родине в виде сотрудничества с фашистскими оккупационными властями, которое предъявлялось этим и другим научным специалистам вскоре после восстановления советской власти, базировалось преимущественно на показаниях самих специалистов, явно не осознававших своей

⁷⁵ См.: *Смирнов В.* Арест профессора Владимира Лазурского // *Смирнов В.* Реквием XX века: В 5 ч. Одесса, 2001. Ч. 1. С. 189–198; *Музичко О.* Одеська інтелігенція на зламі епох: професори Іван Линниченко та Володимир Лазурський в історії Одеси // *Південний Захід.* Одесика: Історико-краєзнавчий науковий альманах. 2009. Вип. 7. С. 55–85.

«вины»⁷⁶, и нередко — на показаниях подставных и / или заинтересованных «свидетелей». Объективное и детальное расследование конкретных фактов «пособничества», его мотивации и последствий фактически не проводилось, но клеймо «предателя», «изменника», «пособника», поставленное по горячим следам, или физически убивало человека в тюрьме или лагере, или уничтожало его морально, сопровождая затем всю жизнь и вызывая презрение общества. Достаточно вспомнить трагическую судьбу оболганных подлинных руководителей знаменитой краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия» или драматическую историю украинского археолога, этнографа и языковеда, до войны директора Института украинского фольклора АН УССР Виктора Платоновича Петрова (1894–1969)⁷⁷, который под видом коллаборанта выполнял спецзадание советской разведки на оккупированной гитлеровцами территории (в Харькове, Киеве и других городах) и затем в Германии, а после возвращения в СССР в 1949 г. так и оставался для окружающих, в том числе для коллег по науке, человеком с подозрительным и опасным прошлым «пособника» и «эмигранта».

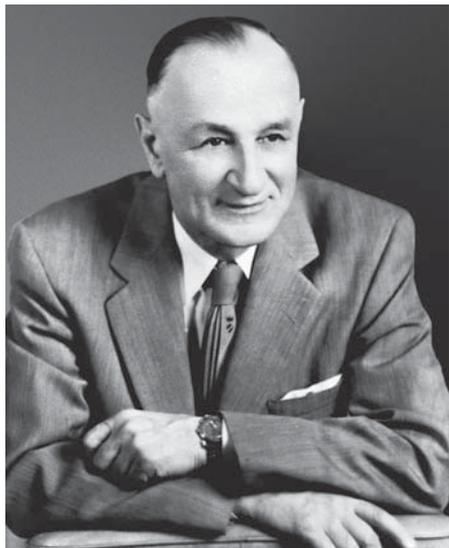
КТО ВЫ, ДОКТОР МАЛИНИН?

Еще более сложной оказалась судьба тех немногочисленных научных специалистов, которые в условиях войны и оккупации сделали свой гражданский выбор и выступили с публичными разоблачениями репрессивных акций НКВД и сталинского режима в довоенные годы, продемонстрировав примеры личного и профессионального «профессорского сопротивления» сталинизму. Хотя традиционно термин «сопротивление» в историографии ассоциируется с идеей скорее группового поведения, чем индивидуальной позицией, история советской научной интеллигенции дает выдающиеся примеры именно персонального профессионального противостояния господствовавшему режиму.

Имя профессора-медика Ивана Михайловича Малинина (1892–1970) впервые появилось в немецких средствах массовой информации в начале августа 1943 г. в связи с публикацией сообщений о деятельности спецкомиссии Управления криминальной полиции рейха, занимавшейся обследованием массовых захоронений в г. Винница (ныне Украина) и признавшей их могилами жертв НКВД довоенного

⁷⁶ См., напр., в Одессе: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 69. Д. 343, 434.

⁷⁷ Орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» сообщила, что он «переметнулся» на сторону врага и сотрудничал с оккупантами в г. Харькове, издавая литературно-художественный журнал «Український засів». Ситуация усугублялась еще и тем, что «предатель» приходился двоюродным братом советскому дипломату Александре Коллонтай. Лишь в 1965 г. стало известно, что В.П. Петров работал на советскую разведку и ему вручили орден Отечественной войны I степени. О нем см.: Петров (Домонтович) Віктор Платонович (1894–1969) // *Alma mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917–1920 років*. Київ, 2000. Кн. 1. С. 115–130; Агеєва В. Поетика парадокса: Інтелектуальна проза Віктора Петрова-Домонтовича. Київ, 2007; Українська біографістика / *Biographistica Ukrainica: Збірник наукових праць*. Вип. 4. Київ, 2008. С. 306–464.



И.М. Малинин. 1960-е гг. Семейный архив Малининых (США)

периода⁷⁸. 9 августа на эти материалы откликнулась советская контрпропаганда информацией ТАСС «Протокол “профессоров” о раскопках в Виннице» и сообщением Совинформбюро «Очередная провокация фашистских людоедов»⁷⁹.

На протяжении многих лет исследователи, изучавшие историю винницких репрессий и захоронений, не могли сказать, кто этот врач с такой распространенной русской фамилией, как он оказался в Виннице и какую роль сыграл в расследовании довоенных преступлений НКВД. Даже новейший том документов «Жизнь в оккупации: Винницкая область. 1941–1944» (М., 2010), подготовленный украинскими и немецкими историками и архивистами, не содержит его имени. Возможно, неслучайно, ибо роль профессора Ивана Малинина в истории разоблачения преступлений

НКВД в Виннице была исключительной — именно он в апреле – мае 1943 г. стал одним из инициаторов раскопок, руководил ими и лично провел более двухсот первых аутопсий — без участия немцев в этом деле и без их разрешения.

Как известно, серию сообщений германского командования об обнаружении на оккупированных территориях СССР мест массовых расстрелов советских граждан, проведенных НКВД, открывала Катынь. Подобные страшные некрополи гитлеровцы регулярно обнаруживали в различных занятых регионах (Куропаты, Пятигорск и др.). Однако масштаб расстрелов в Виннице был столь велик, что на протяжении июня – октября 1943 г. в городе работали три немецких и одна международная комиссии судебно-медицинских экспертов, был снят документальный фильм и в 1944 г. в Берлине опубликованы материалы расследования⁸⁰. Особый международный резонанс винницким раскопкам придавали утверждения фашистской пропаганды об определенном этническом характере расстрелов,

⁷⁸ Подробнее см.: *Абаринов В.* Катынский лабиринт. М., 1991. С. 202, а также две важнейшие монографии по теме: *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton (N.J.), 2001; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2008. Лишь 20 мая 1970 г. нью-йоркская эмигрантская газета «Новое русское слово» опубликовала заметку о его кончине (14 мая). Первые сведения об И.М. Малинине см.: *Sorokina M.* Within Two Tyrannies: The Soviet Academic Refugees of the Second World War // In Defence of Learning: The Plight, Persecution, and Placement of Academic Refugees, 1933–1980s. / Ed. by Sh. Marks, P. Weindling, L. Wintour. L., 2011. P. 225–237. Его краткую биографию по-русски см. на сайте «Некрополь российского научного зарубежья» (http://www.russiangrave.ru/?id=21&prs_id=128 (дата обращения 4 февраля 2013 г.)).

⁷⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 88–89, 90–93, 102.

⁸⁰ Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, 1944.

о том, что это захоронения «украинского населения», уничтоженного «советскими комиссарами» в предвоенные годы⁸¹. Этот тезис в дальнейшем в течение десятилетий холодной войны активно поддерживался украинской националистической эмиграцией и не снят с повестки дня украинской историографии и сейчас.

Однако еще в ходе первых раскопок было установлено, что винницкие захоронения содержат останки представителей всех этносов, живших в Виннице, — украинцев, евреев, поляков и русских. Более того, циркулировавшие в городе слухи о тайных захоронениях решился проверить только русский глава городской управы, профессор Винницкого медицинского института Александр Александрович Савостьянов (1871–1947(?))⁸², инициировавший создание специальной городской комиссии⁸³ и при поддержке которого И.М. Малинин начал раскопки и экспертизу. «В данном случае, — писал Малинин в одном из писем, — <...> я руководился и руководюсь исключительно интересами выполнения своих гражданских обязанностей перед своей родиной и перед населением, с которым вместе два раза в своей жизни испытал жесточайшую мстительность ЧК и НКВД»⁸⁴. Публикуемый в приложении текст его статьи-воспоминания, написанной около 1950 г., рассказывает о винницких раскопках мая 1943 г. — одной из первых (если не первой!) профессиональных судебно-медицинских экспертиз сталинского терора, осуществленной русским врачом в условиях гитлеровской оккупации.

И.М. Малинин принадлежал к тому поколению россиян, которые испытали и пережили все превратности распада и краха Российской империи и утверждения новой советской власти, но не покинули страну. Основные вехи его биографии весьма типичны для людей его образовательного и профессионального круга и в то же время очень индивидуальны. Они выпукло представляют ту траекторию социального и профессионального опыта, тех культурных и общественных смыс-

⁸¹ О сложной истории атрибуции винницких захоронений и — шире — об использовании фактов сталинских и нацистских военных преступлений в культуре памяти постсоветского времени см.: *Paperno I. Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations* (Univ. Calif. Press.). Vol. 75. № 1. Summer. 2001. P. 89–118 (здесь приводится литература вопроса). См. также: *The Tragedy of Vinnytsia: Materials on Stalin's Policy of Extermination in Ukraine (1936–1938) / Ed. by I. Kamenetsky*. Toronto; N. Y., 1989.

⁸² В литературе написание и его фамилии, и инициалов приводится в двух вариантах: Савостьянов — Севастьянов и Александрович — Андреевич. Полагаем, что речь идет об одном лице — Александре Александровиче Савостьянове (1871–1947), гайсинском уездном предводителе дворянства Подольской губ. на 1913 г., в 1917 г. — председателе земской управы Гайсина. В 1928 г. преподаватель Винницкого сельскохозяйственного техникума, затем профессор Винницкого медицинского института. По-видимому, доверие немцев к нему было вызвано и тем, что его жена Алла Степановна (1881–1974) была из фольксдойче (ур. Гофф). После Второй мировой войны жил в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Ср. отзыв о нем деятеля ОУН(б) в Винницкой области в 1941–1943 гг. Е. Алетияно-Попивского: «...больше всего вредил москаль, профессор из царских камергеров, бывший помещик-дворянин Севастьянов, который с приходом немцев стал бургомистром» (Жизнь в оккупации: Винницкая область. 1941–1944. М., 2010. С. 397).

⁸³ В комиссию вошли: А.А. Савостьянов, доцент Д. Дорошенко, бывший зав. кафедрой судебной медицины Винницкого медицинского института, доктор О. Клунк, начальник уголовного розыска города (?), Аполлон Трембочевский, главный редактор местной газеты, М. Сибирский, Мамонтов и два священника.

⁸⁴ Обстоятельства становятся известными из письма самого И.М. Малинина М.М. Карповичу от 27 декабря 1951 г., сохранившегося в архиве последнего в Бахметевском архиве (Колумбийский университет, США) и предоставленного нам А. Зейде, которой выражаем искреннюю признательность.



*Могила И.М. Малинина на кладбище Рок-Крик (Вашингтон, округ Колумбия, США).
Фото М.Ю. Сорокиной*

лов и приоритетов, которые привели доктора к открытому профессиональному сопротивлению сталинскому режиму.

Он родился 28 мая (ст. ст.) 1892 г. в многодетной семье потомственных военных медиков в г. Старая Русса Новгородской губ., в 1910 г. окончил 1-й кадетский корпус в Петербурге и в дальнейшем учился в ведущих российских медицинских образовательных учреждениях своего времени — Военно-медицинской академии в Петербурге⁸⁵ и на медицинском факультете Юрьевского университета. Разделяя патриотическое убеждение абсолютного большинства российских врачей, что главная цель жизни — беззаветное служение России, в годы Первой мировой войны Малинин в составе подразделений Красного Креста находился на Северо-Западном фронте. В 1921 г., на исходе Гражданской войны, когда волна антибольшевистских восстаний достигла Кронштадта, морской столицы России, он был захвачен ВЧК как заложник за начальника артиллерии Кронштадта, генерала А.Н. Козловского. По этому же делу была арестована сестра И.М. Малинина Надежда и ее муж Б.Н. Дорошевский, а затем все они заключены в петроградскую тюрьму «Кресты», приговорены к году принудительных работ и отправлены в лагерь в г. Холмогоры (Архангельская губ.), прямой предшественник Соловков, где Надежда Малинина вскоре скончалась от сыпного тифа⁸⁶.

Судьба братьев и сестер Ивана Малинина также весьма показательна для людей их поколения, профессионального и социального статусов. Примерно половина из них осталась в России / СССР и почти вся погибла: кроме Надежды, братья Михаил и Василий Малинины погибли от голода в блокаду Ленинграда в годы Второй мировой войны. Лишь известный филолог-германист и латинист Андрей Малинин (1884 — не ранее 1953) многие годы жил и преподавал в Минске⁸⁷. Другая половина семьи Малининых испытала горечь изгнания, беженства и эмиграции, но сумела адаптироваться к новой жизни и выстоять в ней. В эмиграцию ушли военный офицер, полковник Федор Малинин (жил во Франции, ум. 1985) и военный инженер Сергей Малинин (Финляндия, ум. 1952). Марианна Малинина (1891–1971) покинула СССР во время Второй мировой войны, жила в США. Другая сестра доктора — Екатерина, певица, преподавала и скончалась в Риге (Латвия).

После освобождения из Холмогорского лагеря в 1922 г. Иван Малинин уехал в Крым, где жил до 1926 г., работая в Симферополе на кафедре патологической анатомии Крымского медицинского института, которую возглавлял Г.С. Кулеша. Здесь он женился на Ольге Александровне Сеницкой (1903–1962), а затем вместе с профессором Кулешей перебрался на Кубань, в Краснодар, где последний возглавлял кафедру патологической анатомии Кубанского медицинского института.

⁸⁵ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 316. Оп. 68. Д. 2101.

⁸⁶ См.: Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост., введ. и примеч. В.П. Наумова, А.А. Косаковского. М., 1997. С. 96, 111–112.

⁸⁷ Его сын Георгий (1910–1997) сделал блестящую советскую карьеру: генерал-лейтенант, один из создателей системы гражданской обороны РСФСР (1940), начальник местной противовоздушной обороны РСФСР (1941–1971). В течение года (1962–1963) заместитель председателя Совета министров РСФСР. Председатель Федерации тенниса РСФСР в 1959–1968 гг.

Этот институт, выросший из расформированного после Гражданской войны Кубанского университета, стал приютом для многих высококвалифицированных профессоров с дореволюционным стажем, разделявших идеалы и сотрудничавших с Белым движением: здесь работали С.В. Коршун, Д.П. Косоротов и др. Несомненно, внутренняя атмосфера института подпитывалась и антисоветскими настроениями «улицы» — раскулачиваемого кубанского казачества и преследуемого православного духовенства. Краснодар, как и Кубань в целом, продолжал оставаться латентным очагом неповиновения центральной большевистской власти. Побывавший много лет спустя, летом 1944 г., в освобожденном от немцев Краснодаре археолог Георгий Федоров отмечал, что «уютные, богатые станицы, с прекрасными приусадебными садами, с чистыми — ослепительно-белыми, зелеными и голубыми — хатами, нас встречали с нескрываемой враждебностью»⁸⁸.

После кончины Г.С. Кулеши в 1930 г. И.М. Малинин принял кафедру патологической анатомии и возглавлял ее до начала Великой Отечественной войны. В эти годы он активно занимался научной работой, изучая эпидемиологию проказы и зоба, одних из наиболее распространенных и опасных заболеваний в регионе⁸⁹. Безусловно, профессор Малинин не питал симпатий к советской власти, но и не конфликтовал с ней. В то же время участие «по должности», как судебно-медицинского эксперта, в расследовании уголовных дел, некоторые из которых были прямо связаны с местным НКВД и репрессиями, делало жизнь медика в Краснодаре исключительно сложной и непредсказуемой. Многочисленные сфабрикованные «национальные дела» — поляков, немцев, греков, эстонцев, северокавказского филиала Российской национальной партии, непонятные смерти духовенства и др. постоянно сотрясали и без того напряженный мир небольшого Краснодара. На собственном опыте доктор Малинин узнал скрытые стороны деятельности советских карательных органов и, вероятно, был носителем некоторых из их секретов. Начало Великой Отечественной войны стало тем спусковым механизмом, который трансформировал его неприятие советского режима в открытое противостояние ему.

В начале войны И.М. Малинин оставался с семьей, в которой было к тому времени уже двое сыновей, в Краснодаре. Незадолго до сдачи города немцам, 18 июля 1942 г., он был арестован НКВД по сфабрикованному обвинению в подготовке вооруженного восстания и отправлен тюремным этапом в другой город, однако случайно спасся, когда в его вагон попала бомба. После возвращения в оккупированный немцами город профессор Малинин в течение недели возглавлял отдел образования городской управы Краснодара, но, быстро убедившись в неже-

⁸⁸ Федоров Г.Б. Брусчатка: Документальные повести и рассказы. М., 1997. С. 120.

⁸⁹ См.: Малинин И.М. Опыт обследования распространения проказы в Кубанском округе. М., 1928. С. 21–54; Он же. Материалы по изучению лепры на Кубани. Ростов н/Д, 1929 (совм. с Г.С. Кулешей); Он же. Изоагглютинационные свойства крови у прокаженных. Харьков, [1930] (совм. с С.Н. Струковым); Он же. Материалы по экспериментальному изучению влияния различных компонентов табака и табачного дыма на сердечно-сосудистую систему и надпочечники // Труды Кубанского государственного медицинского института им. Красной армии. Краснодар, 1937. Вып. 6. С. 7–125 (совм. с П.И. Будариным); Он же. О двусторонней внутриглазной лейкосаркоме сосудистой оболочки // Там же. Краснодар, 1941. Вып. 13. С. 39–51.

лании немцев поддерживать обучение детей славян-«недочеловеков», отказался от должности⁹⁰.

В конце января — феврале 1943 г. в самое суровое зимнее время, семья Малининых ушла в Ростов и к весне оказалась в оккупированной Виннице, где когда-то служил врачом отец Ивана Михайловича. Одновременно с ними более 300 тыс. советских беженцев, включая стариков, женщин и детей, эвакуировались с немцами с Кубани и Северного Кавказа через Таманский полуостров и Крым на Украину. Среди тех, кто бежал тогда от наступавшей Красной армии, были и сотни представителей научной интеллигенции с оккупированных территорий — исполняющий должность директора Ленинградского финансово-экономического института профессор И.А. Кошкин, доктор медицинских наук Ф.П. Богатырчук, профессор геологии А.Ф. Лебедев, зав. кафедрой подъемных машин Киевского политехнического института профессор Е.И. Радзимовский и многие другие известные и не очень специалисты⁹¹. Все они знали, от кого и почему бегут, но никто не мог представить, какие испытания ждут их в будущем. Семья Малининых в полной мере разделила судьбу этих вынужденных беженцев, большинство из которых прошло через много лет скитаний и страданий. В Виннице они пробыли несколько месяцев, до 6 октября 1943 г., когда в связи с участием И.М. Малинина в раскопках захоронений жертв НКВД покинули город, а затем и СССР.

К ноябрю 1943 г. Малинины оказались в Праге (Чехословакия), где Иван Малинин познакомился и более полугодом сотрудничал с русскими учеными-эмигрантами первой волны, выступая на семинарах в Русской ученой академии с докладами о положении в СССР⁹². 11 апреля 1945 г. семья Малининых покинула Прагу, пешком добралась до Гёттингена и Касселя, а затем провела несколько лет в лагерях для перемещенных лиц близ Франкфурта и Штутгарта в американской зоне оккупации. В 1949 г. Малининым удалось уехать в США; некоторое время они жили в Нью-Хейвене (штат Коннектикут), где их вновь поддержали осевшие здесь русские эмигранты постреволюционной волны — А.Л. Толстая, философ Н.О. Лосский, графиня С.В. Панина, историк Г.В. Вернадский, зоолог А.И. Петрункевич и др. Незавидное, казалось бы, для специалиста с профессорским статусом место патолога в одном из госпиталей в Бэкли (штат Западная Виргиния), тем не менее, давало некоторую стабильность беженской жизни — двое сыновей И.М. Малинина получили высшее образование и сделали прекрасную профессию

⁹⁰ Здесь и далее приводятся сведения, сообщенные сыном И.М. Малинина профессором Георгием Ивановичем Малининым автору статьи.

⁹¹ См.: Александров К. Кровавая репатриация: Судьба «точивших нож на Сталина» была решена еще до капитуляции Германии // Новое время. 2006. 12 февр. № 6.

⁹² Темы докладов: «Питание и жилищные условия в советской России», «Социально-бытовые условия жизни в СССР», «Организация высшего образования в СССР и жизнь в вузах», «Винница и полицейские мероприятия советской власти» (см.: АРАН. Ф. 1609 (А.В. Флоровский). Оп. 1. Д. 262. Л. 44, 45, 48, 52). В январе – феврале 1944 г. И.М. Малинин выступал с докладами в Брно, Пльзене, Клатовы (см.: Там же. Л. 49, 54, 56; Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русский Свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Международный исторический журнал. 1999. № 5). С последним докладом «Из истории высшей школы в СССР (по личным наблюдениям)» И.М. Малинин выступил в Праге 28 февраля 1944 г. на семинаре по организации государства и народного хозяйства (Там же. Л. 58).

ональную карьеру в физике и медицине. В годы американской эмиграции Иван Михайлович опубликовал несколько научных статей, а после выхода в отставку переехал в Александрию (штат Виргиния), где продолжал вести научную работу в Джорджтаунском университете до своей кончины в 1974 г. О нем никто не писал и не вспоминал. Лишь однажды, в 1951 г., Малинин сделал попытку опубликовать мемуарную статью о винницких раскопках в самом авторитетном русском эмигрантском литературно-художественном журнале того времени — «Новом журнале», возглавлявшемся профессором Гарвардского университета Михаилом Карповичем, но после отказа оставил ее в своем архиве. В 1959 г. И.М. Малинина вызвали для дачи свидетельских показаний о событиях в Виннице на слушаниях в палате представителей конгресса США, посвященных роли Н.С. Хрущева в антиукраинской деятельности в годы войны, и это его выступление стало последней публичной попыткой медика рассказать свою правду о преступлениях сталинского режима⁹³.

МИСТЕР НИКОЛАС ПОППЕ

Николай Николаевич Поппе, чья профессиональная карьера и военная эпопея одновременно параллельны и прямо противоположны судьбе И.М. Малинина, вторую половину жизни также провел в США. Он преподавал неподалеку от Вашингтона — в университете Сиэтла (штат Вашингтон), где никто не напоминал ему ни о его прошлом в стране победившего сталинизма, ни об эпизодах сотрудничества с гитлеровцами, и, таким образом, стремление ученого посвятить жизнь исключительно научным исследованиям было реализовано.

Энергичный и прекрасно образованный специалист, крупнейший монголист своего времени не только СССР, но и мировой науки, Н.Н. Поппе начинал свою профессиональную карьеру в тот момент, когда академическая генерация выдающихся русских востоковедов (В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, С.Ф. Ольденбург и др.) очевидно иссякала, но востоковедение, прежде всего как прикладная научная дисциплина, было востребовано новым обществом и поддерживалось новой советской властью. В момент избрания в состав АН СССР в 1927 г. Поппе стал самым молодым членом-корреспондентом Академии и в дальнейшем только успешно развивал свою быструю и выдающуюся научную карьеру, возглавив все основные центры монголистики в стране — от Ленинградского университета и до Азиатского музея / Института востоковедения АН СССР.

Однако в стране победившего пролетариата он всегда чувствовал значительный психологический дискомфорт из-за своего отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения. В известных нам автобиографических документах Поппе никогда не упоминал о том, что он родился в немецкой семье, глава которой был российским консулом в Китае, но всегда указывал, что его дед был портным. Будучи

⁹³ См.: U.S. House of Representatives, Congressional Hearings, Washington, D.C., September 9–11, 1959. P. 1–3; 17–20; 3–32.

совершенно аполитичным и не разделяя коммунистическую идеологию, ученый, тем не менее, точно следовал неписаным советским ритуалам: после 1917 г. Поппе только однажды побывал за границей (1929 г., Монголия), предпочитал не публиковать свои научные работы за рубежом и даже отказывался от избрания в зарубежные научные общества. Зато профессор всегда публично поддерживал советскую власть, критиковал «буржуазные» идеи и теории, а при необходимости консультировал советских военных. За годы жизни при советской власти он накопил огромный практический опыт взаимодействия с ее представителями и прекрасно знал, что любое сотрудничество более продуктивно для его научной работы и жизни, чем конфронтация. Многолетнее напряженное психологическое состояние «внутреннего эмигранта», вероятно, и предопределило превращение члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Поппе в «коллораборанта» и, позднее, в эмигранта.

С лета 1942 г. Н.Н. Поппе примерно полгода провел на оккупированных фашистами территориях в Пятигорске, Кисловодске, Теберде, Нальчике (до января 1943 г.), работая переводчиком и / или консультируя немцев по вопросам истории, языков и культуры коренных народов Кавказа. В мемуарах он настаивал на позитивности своей роли медиатора между местным населением и оккупантами и, в частности, на том, что именно благодаря его контактам и профессиональным знаниям этнологии Кавказа удалось спасти в 1943 г. в Нальчике от уничтожения горских евреев, убедив немецкое командование, что они являются кавказской народностью (таты) иранского происхождения⁹⁴. Сегодня мемуары Поппе в этой части подтверждаются, так же как и то, что его уникальная профессиональная подготовка стала основой для направления ученого в Институт Ваннзее — аналитический разведывательный центр СС, содержавший богатейшую в Германии коллекцию материалов по России на оригинальных языках⁹⁵.

В отличие от И.М. Малинина Н.Н. Поппе нашел в современной России сразу двух биографов — В.М. Алпатов и А.М. Решетова, которые подробно описали его научную карьеру в СССР и пытались изучать его сотрудничество с оккупантами во время Второй мировой войны. Эти авторы предлагают и два разных подхода к изучению проблемы «профессорского коллаборационизма».

Владимир Михайлович Алпатов, специалист по японской филологии, член-корреспондент АН СССР и зам. директора Института востоковедения РАН, был первым, кто написал в России о Н.Н. Поппе в открытой печати. В 1996 г. он опубликовал небольшую книгу, целиком посвященную монголисту, в предисловии к которой подчеркнул, что не мог писать о научном вкладе ученого без обсуждения моральных проблем, касающихся его сотрудничества с нацистами⁹⁶. При этом

⁹⁴ *Poppe N. Reminiscences*. Bellingham, 1983. Аналогичная история произошла в Литве с караимами после того, как по инициативе востоковеда и духовного главы караимов (гахамы) С.М. Шашала (1873–1961) нацистское руководство признало, что они являются народом нееврейского происхождения. Тем самым караимы избежали геноцида европейского еврейства.

⁹⁵ Интересные американские документы о деятельности Н.Н. Поппе в 1944–1945 гг. приводятся в переводе И. Петровым; см.: <http://labas.livejournal.com/936689.html> (дата обращения 11 января 2013 г.).

⁹⁶ См.: Алпатов В.М. Николай-Николаас Поппе. С. 4.

В.М. Алпатов отметил, что у него нет никаких документов, касающихся этого сотрудничества, за исключением воспоминаний самого ученого⁹⁷, что не помешало сделать вывод о том, что человеческая репутация Поппе является плохой⁹⁸. Все же книга В.М. Алпатова маркирует очень важный сдвиг в историографии — готовность изучать историю коллаборационизма на персональном уровне советской элиты.

Другой биограф Н.Н. Поппе — Александр Михайловича Решетов (1932–2009), также известный этнограф и историк востоковедения из Петербурга, представляет иное видение «случая Поппе»⁹⁹. В отличие от В.М. Алпатова, считающего, что в СССР никто не мог забыть сотрудничества Н.Н. Поппе с фашистами, он рассказывает совершенно обратную историю — о недоверии академических интеллектуалов советским властным и разведывательным органам и об их желании общаться с бежавшим коллегой, невзирая на темную историю его коллаборационизма. Солидарность недовольных режимом профессионалов, несомненно, была одной из важных составляющих массового коллаборационизма советских людей в военные годы.

Но даже в мирное время и за рубежом, в западном мире, профессиональный потенциал Н.Н. Поппе безусловно перевешивал его коллаборационистские грехи. Он был избран членом-корреспондентом ряда академий наук, в том числе Британской. В университете Сиэтла до сих пор ежегодно проводится симпозиум его памяти и учреждена премия его имени.

Истории Николая Поппе и Ивана Малинина иллюстрируют опыт ученых своего поколения, а также демонстрируют личные драмы тех, кто жил в мертвом пространстве между двумя тираниями — Сталина и Гитлера. Не только отдельные ученые, но и целые научные отделы, лаборатории, станции насильно вывозились фашистами или добровольно уезжали — фактически бежали от сталинизма — в Германию, а после поражения нацизма часто оказывались и далее — за океаном. В СССР все они, без разбора, получали клеймо «врага народа», однако сегодня многое из того, что раньше просто и однозначно трактовалось как «измена родине» или коллаборационизм, может быть интерпретировано иначе — как стремление «жертв двух диктатур» (П. Полян) сохранить человеческое достоинство, право личности на свой выбор или даже как гражданское и профессиональное сопротивление сталинскому режиму.

⁹⁷ См.: *Poppe N. Reminiscences.*

⁹⁸ См.: *Там же.* С. 117.

⁹⁹ *Решетов А.М.* Н.Н. Поппе (1897–1991): две части одной жизни // Немцы в России: Три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 482–498.

Приложение

И.М. Малинин

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА НКВД (ВИННИЦА)

Публикация, подготовка текста и комментарии

М.Ю. Сорокиной

Публикуемый мемуарный текст И.М. Малинина хранится в архиве семьи Малининых (США) и предоставлен для публикации его сыновьями Георгием Ивановичем и Федором Ивановичем Малиниными, которым приносим нашу самую глубокую благодарность. Рукопись представляет собой авторизованную машинопись; она не имеет даты, но, как ясно из содержания, была подготовлена И.М. Малининым после приезда в США, около 1950 г. Как уже отмечалось выше, текст намечался для публикации в «Новом журнале», был передан в журнал в ноябре 1951 г., но отвергнут его главным редактором и остался неопубликованным.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время, находясь вдали от моей родины и вспоминая о многом, что происходило там, мне думается, что в связи с наступившими за последнее время тревожными событиями в мире с моей стороны было бы своевременно сообщить об одном чрезвычайном деле, в котором я был не только свидетелем, но и участником.

Во время моих вынужденных передвижений по занятой немцами территории Советского Союза мне пришлось в 1943 году прожить некоторое время в г. Виннице, где я по собственному желанию, со стороны городской управы, непосредственно участвовал в раскрытии вопиющего преступления НКВД по массовому уничтожению местного населения.

Имеющиеся у меня как медицинского эксперта факты и материалы по этому необычному для демократического мира делу могут послужить хорошей демонстрацией к нередко происходящим дебатам на тему, что ждет свободных людей при коммунизме.

Здесь представлены бесспорные, точные факты, не подлежащие сомнению в том, что они перед войной действительно имели место в 1937–1940 гг. на моей родине. Это происходило в период борьбы Сталина со всеми своими явными и воображаемыми противниками по окончательному укреплению своей власти в единственной тогда стране социализма и коммунизма.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ, БЕЗ СУДА РАССТРЕЛЯННЫЕ

Оглавление

- А. Вступление.
- Б. Часть фактического материала.
 - 1. Винница и братские могилы.
 - 2. Обследование могил.
 - 3. Судебно-медицинские данные.
 - 4. Население и раскрытое преступление.
 - 5. За что расстреляны?
 - 6. Метод массового террора.
- В. Краткое заключение.

ВСТУПЛЕНИЕ

Приступая к изложению данных по Винницкому делу не только желательно, но и необходимо предварительно остановиться на бывшем Нюрнбергском процессе¹ и на той общей политической ситуации, при которой произошло раскрытие преступления НКВД.

Как известно, в итоге этого процесса Международный суд, по заслугам осудивший ответственных нацистов за их преступления, вынес приговор с перечнем их доказанных преступных деяний, совершенных или непосредственно ими, или по их заданиям и распоряжениям.

Но самое интересное для представляемой здесь темы то, что Нюрнбергский суд в этот приговор не внес пункта о Катынском преступлении². Последнее выразилось в массовом расстреле под Смоленском военнопленных польских офицеров в количестве более четырех с половиной тысяч человек.

Представитель советского обвинения полковник Покровский³, приписав это преступление немцам, не мог доказать суду причастность их к Катынскому расстрелу, чего так добивались в своем обвинении Советы.

Нюрнбергский суд во главе с председателем Джексоном⁴ оказался в этом щекотливом для тогдашних союзников вопросе на высоте беспристрастия и не утвердил в своем приговоре пункт советского обвинения по этому преступлению.

Спрашивается, кто же его совершил?

На этот вопрос отвечает своими исследованиями известный польский генерал Андерс, к поучительной книге которого я и отсылаю интересующихся⁵.

Этот же вопрос также обстоятельно, с полным фактическим материалом, изложил мне лично, а позже в выпущенной им в Лондоне книге о Катыни бывший на Нюрнбергском процессе польский журналист Лясковский⁶, специально исследовавший этот вопрос на месте совершенного преступления.

Оба эти представителя польской общественности, как и все польское общество и народ, невзирая на свое более чем резко отрицательное отношение к нем-

цам за их издевательства и зверства в Польше, сняли это выдающееся преступление с ответственности немцев и целиком возложили его на советскую власть в лице всемогущего в Советах НКВД (ныне МГБ⁷).

Нацистское правительство сделало первое свое сообщение по радио о находке братских могил польских офицеров в с. Катынь вблизи г. Смоленска 13 апреля 1943 г.⁸ Немцы немедленно, в том же месяце, для установления акта своей непричастности к этому преступлению организовали и пригласили в Катынь международную комиссию из медицинских экспертов оккупированных и союзных в то время им стран, из нейтральных Швейцарии и Швеции⁹.

Означенная комиссия оставила по своему расследованию документальный след в виде специального медицинского акта за подписями всех своих членов¹⁰. В нем точно описан примененный в Катыни способ расстрела погибших офицеров. По этим исследованиям он оказался таким, каким пользуется в своей практике НКВД при расправе со своими жертвами, т. е. расстрелом в затылок с помощью пистолета.

На занятой немцами русской территории это была первая весть о доказанных экспертизой массовых расстрелах НКВД без вины виноватых, без суда расстрелянных.

За этим раскрытым и обнародованным преступлением вскоре, в мае месяце этого же года, последовало новое раскрытие другого преступления НКВД в г. Виннице, еще большего по количеству жертв¹¹.

Как стало известно теперь, раскрытию этих преступлений способствовало одно важное обстоятельство. Как раз в то время, о чем мир узнал только после войны, произошел полный срыв ведшихся в Стокгольме между Гитлером и Советами тайных переговоров о сепаратном мире¹². Сорвавшиеся переговоры из-за высоких, неприемлемых, по утверждению немцев, для нацистской Германии советских требований — кардинально изменили политическую линию поведения Гитлера в отношении Советов. Именно с этого времени нацисты, не имея больше надежд на такие попытки в дальнейшем, вынужденно стали на путь разоблачения Кремля.

Только изменившейся, неблагоприятной для немцев, внешнеполитической конъюнктурой можно понять и объяснить повод и основание, почему Гитлер и Гиммлер вместе со своим гестапо пошли на разрешение местному населению раскрывать преступления своего старшего собрата — НКВД, учреждения столь близкого им по духу и делам. До этой поры они не были склонны официально участвовать в таких разоблачениях НКВД, с которым до войны были связаны нитями кое-каких взаимных услуг. Такие несвоевременные разоблачения могли бы попортить отношения с Кремлем, вызвав лишние раздражения Советов, в намеченных ими будущих тайных переговорах с Москвой.

Иллюстрацией этому может служить тот факт, что разоблачения Винницкого преступления (о Катыни по этой части я не имею сведений) не только не последовало тотчас после захвата немцами Украины (июль 1941 г.), но и в более поздние сроки, вплоть до июня 1943 г., несмотря на то что до сведения немецких властей были доведены настойчивые желания населения произвести рас-

копки если не в масштабе всех могил, то хоть части их в порядке обследования тревожащего всех вопроса. И даже более того, все ходатайства, официального и частного порядка, бургомистра города проф<ессора> С.¹³ по этому же вопросу не раз отклонялись под различными предложениями гебитскомиссаром города Маргенфельдом и крейслейтером из Житомира¹⁴. Мотивом отказа служило отсутствие разрешения из Ровно от рейхскомиссара Украины Коха¹⁵, правой руки рейхсминистра Розенберга по Управлению восточных областей¹⁶, как уничиительно назвали Гитлер и Розенберг захваченную во время войны громадную часть России. Иначе говоря, в течение почти двух лет Берлин уклонялся от официальных разоблачений НКВД, по-видимому рассчитывая на кое-что в этом направлении в своей тактике по отношению восточного врага, пока эти надежды окончательно не оборвались весной 1943 г. Последнее подтверждается еще и тем, что и в других местах занятой ими части России были такие же основательные данные по раскрытию массовых убийств НКВД, но, невзирая на это, официальных документальных разоблачений этих преступлений со стороны Берлина ни разу до этого времени не было сделано.

Издавались антикоммунистические газеты, пропагандные листовки, отдельные книги, в числе которых были распространены несколько книг Альбрехта¹⁷, бывшего коммуниста, с разоблачением системы НКВД, его работы и своих злоключений в тюрьмах ГПУ (название, предшествующее названию НКВД). Но и только, до официальных признаний преступлений НКВД дело не доходило.

Эти внутренние, скрытые, побудительные тенденции нацистов сказались в отношении Винницкого дела, решение по которому было вынесено в Берлине после длительного раздумья, с опозданием, после начала раскопок, более чем на месяц, в противоположность тому, что было с Катынью. Такая медлительность Берлина в решении вопроса о Виннице вызвала у местных немецких оккупационных властей все возрастающее беспокойство: не допустили ли они ошибку, неофициально дозволив городскому управлению производство этих раскопок.

В той политической обстановке, в которой тогда жил руководящий Берлин, ему было нелегко быстро реализовать вопрос о Виннице. В отличие от Катыни энкаведистская расправа с местным населением в Виннице оценивалась им как внутреннее дело Советов, в разоблачении которого принимать официально участие было не совсем удобно для Берлина, даже при безмерно бесцеремонной его тактике быстро менять свои внешнеполитические направления. Здесь было в чем сомневаться и от чего колебаться, как лучше использовать в свою пользу создавшееся положение и не попасть в какую-нибудь неловкость. Имея в своей системе не менее страшное гестапо и применяя такие же методы устрашения населения, в которых к тому времени наци были уже полностью уличены, Берлин, не имея еще полных данных о размерах этого преступления, полагал ограничить и сузить это дело в пределах только местного происшествия, без большого своего участия в нем. Но так как к этому времени винницкие раскопки приобрели не только в округе, но и по всей оккупационной зоне широкую огласку с раскрытием все большего и большего количества жертв, значительно превышавшего бывшее в Катыни, то Берлину отступать или ограничивать его в пределах местного инте-

реса дальше было невозможно из-за той внутренней сложившейся обстановки на месте преступления, о которой будет сказано несколько ниже.

С Катынью у немцев обстояло дело иначе. Там преступление сразу было ими определено как преступление, касающееся международных отношений, могущее чувствительно отозваться на взаимоотношениях союзников, особенно поляков, к Советам. Они рассчитывали, что Катынь вобьет осинный клин между советским и польским правительствами, что впоследствии и подтвердил генерал Сикорский¹⁸, указавший, что Катынь была первая серьезная трещина в их взаимоотношениях. Гитлер и Риббентроп оценивали Катынь как свой хороший козырь в политической игре и на востоке, и на западе и надеялись с помощью его получить реванш за проигранный Стокгольм. И на самом деле их расчеты во многом оправдались. Катынь вызвала негодование у всех без исключения поляков, создала первое отталкивание у союзников от их симпатий к Советам и очистила сознание многих от увлечения советской действительностью. Сами же немцы, как показала история войны, от этого дела ничего не выиграли. Выиграла только неожиданно для всех исходящая от них правда, которую так старательно и глубоко Советы хотели схоронить в смоленской земле, скрыв в ней от всего мира свою немилосердную расправу с польскими офицерами.

С Винницей у немцев было иное положение. После того как нацистское правительство опубликовало материалы о Катыни, вызвавшие со стороны Советов голословное, совершенно необидительное опровержение, надо было сказать и о Виннице, что Берлин сделал со значительным сроком опоздания¹⁹.

По сути дела этих двух вопиющих преступлений, вся механика раскрытия их перед миром сводилась к тому, что один террорист, в силу сложившихся обстоятельств и своих собственных дел, был вынужден выступить против другого с явными вещественными, неопровержимыми доказательствами его виновности.

В таком положении очутились друг перед другом Берлин и Москва в Катыни и Виннице перед русскими, украинцами и поляками, свидетельствовавшими своими показаниями в пользу непричастности одного и точными уликами непосредственной виновности в этих убийствах другого.

Характерно как для Москвы, так и для Берлина то, что совершивший эти преступления красный Кремль всеми ему доступными средствами хотел их скрыть от взора людей и возложить их на своего противника, что ему не удалось, а другой — нацистский Берлин, вынужденный официально принять участие в раскрытии винницкого преступления, хотел представить это дело в определенном направлении, что ему также не удалось сделать.

Розенберг, Гиммлер и Геббельс, с одной стороны, возложив ответственность за это преступление на НКВД, что соответствовало действительности, обрисовали его в газетах, по радио, а потом и в своих материалах в должном для себя виде. Во-первых, они были заинтересованы оправдаться в глазах своих нацистов и немцев по поводу своего выступления в защиту тех людей, которых они определили как «унтерменшей»²⁰ и которых в течение всей войны унижали и непрерывно уничтожали. Такое противоречие в их действиях надо было чем-нибудь объяснить, и они нашли выход в том, что представили винницкий расстрел как

дело рук энкаведистов, преимущественно еврейского происхождения. У нацистов и немцев эта пропаганда, может быть, и имела успех — не знаю, но у местного населения — абсолютно никакого. В своей пропаганде они базировались на составленном их агентами списке, на месте преступления, главных руководителей винницкого НКВД. Оказалось по этому списку, что на 22 ответственных энкаведиста якобы было 15 евреев. Как известно, в числе работников НКВД представлены все без исключения национальности. НКВД — учреждение с явным интернациональным характером своих работников. Поэтому такая нарочитая интерпретация имела своей целью использовать это преступление в интересах специфической нацистской пропаганды. Во-вторых, им хотелось подобным освещением этого вопиющего преступления обелить себя за жесточайшую расправу с евреями, произведенную ими повсеместно, также и в Виннице в 1941 г., которых расстреливали на краю вырытых ими могил из автоматов и пулеметов. Они рассчитывали, что многие будут рассматривать эту расправу как следствие, как некое возмездие за мнимое засилье евреев в местном НКВД. И этот расчет немцев не оправдался. Ни один человек не связывал и не оправдывал одно преступление другим. Более того, известны факты участия местных людей в спасении от расстрела евреев, как и спасение 9 еврейских детей от гестапо в детском доме, где их укрывали и сохраняли в течение всей оккупации немцев при содействии бургомистра города и некоторых работников городской управы. Здесь же будет уместным указать еще на один факт, подтверждающий нацистский подход к вопросу трактовки о характере винницкого расстрела. При детальном обследовании расстрелянных трупов нашей комиссии удалось распознать среди них три трупа с произведенной операцией «обрезания», на что и было обращено внимание немцев. Но они этот факт не зафиксировали в своих протоколах как противоречащий официальной нацистской точке зрения, что среди жертв НКВД не могло быть евреев. В-третьих, в соответствии со своей политикой на Украине Розенберг и Кох в публиковавшихся материалах представили это преступление как исключительно направленное против украинцев, согласно своим упрощенным формулам: «все русские — большевики» и что «русский большевистский империализм» жестоко расправлялся с украинцами. При наличии проводимой ими на Украине борьбы со всем русским, когда они запретили русские газеты и книги, запрещали русским самые невинные культурные начинания, закрыли не только средние, но даже низшие школы для значительного количества русских детей и отклоняли все ходатайства об их открытии, т. е. проводили насильственную и полную украинизацию, надо было доказать в интересах нацистской и немецкой идеи отделения во что бы то ни стало Украины от России и искусственного возбуждения против нее ненависти, что этот самый «русский империализм», прикрытый большевизмом, исключительно был направлен против Украины. С этой целью обработанный в министерстве «освобожденных восточных областей» список по установленным фамилиям расстрелянных оказался почти что из одних украинцев; национальный термин «русский» в нем отсутствовал, термин «поляк» сохранился, был введен термин «фольксдейтш»²¹. На самом деле даже по этому списку из 679 установленных по фамилиям расстрелянных более 200 фамилий не относились к украинцам, а к

другим национальностям, в том числе и русским. По этому списку в числе расстрелянных украинцев оказались расстрелянные с чисто русскими фамилиями, с польскими и католическими именами и даже немецкими. Никто такой трактовке не придавал никакого значения.

Население ответило исключительным пониманием всей бывшей обстановки в Советском Союзе и оценило это преступление не как направленное только против украинцев, а как повсеместный террор во всей стране со стороны сталинской диктатуры, среди которой также немалую роль играли и играют коммунисты-украинцы, как и коммунисты других национальностей.

В этой части своей пропаганды о винницком расстреле они ничего не выиграли, как и не выиграли в натравливании одной национальности на другую, ибо вокруг этого преступления люди всех национальностей трогательно объединились в своем общем трагическом несчастье.

Таким образом, Гитлер со своим окружением руководился в своем решении о винницком деле и при его проведении не мотивом возмущения террором НКВД, не мотивом вдруг проснувшегося человеколюбия к населению исстрадавшейся страны, тем более не во имя раскрытия правды, чем руководилось все население города и округа в своем требовании по выполнению этих раскопок, а исключительно соображениями и интересами своей собственной политики, а также той обстановкой, которая к этому времени создавалась вокруг этого дела на месте совершенного преступления.

Население, встревоженное задержкой разрешения на производство раскопок братских могил, начало воспринимать с некоторым сочувствием распускаемые советскими агентами слухи о виновности в этом преступлении немцев; эти слухи невыгодно отзывались на их положении. Тем более они должны были считаться с этим еще и потому, что на расстоянии всего двух километров от этих братских могил, расположенных за городом, находились в лесу другие братские могилы — могилы расстрелянных немцами евреев, куда не рекомендовалось ходить из-за могущих быть последствий от гестапо. К этому же времени значительно усилилось партизанское движение, которое могло еще больше расшириться под влиянием этих слухов, чего опасались немцы. Все это требовало быстрого разрешения вопроса; вот почему затянувшаяся задержка ответа из Ровно заставила местную немецкую власть, не дожидаясь официального разрешения, пойти навстречу требованиям населения и допустить городскую управу к производству раскопок.

Здесь нельзя обойти молчанием высокое гражданское мужество многих сотен людей из общего числа всего населения округа и города, пошедших на раскрытие этого преступления и впоследствии за это поплатившихся. Своим участием в этом деле они показали и свою человеческую доблесть, о чем и надлежит именно теперь сказать, когда в печати за последнее время нередко поднимается вопрос о моральных качествах людей нашей страны.

Геббельс использовал данные по раскопкам в Виннице в интересах не только своей внутренней, но и внешней политической игры. В своей пропаганде он решил представить нацизм стражем и оплотом Европы перед наступающим с востока коммунизмом. Но он не рассчитал одного, что из-за общей дискредитации

немцев в Европе и ненависти к ним эти попытки не смогут увенчаться реальным успехом.

Положительных результатов они достигли в отношении только тех, кто сам воочию, побывавши на раскопках, убедился в массовых расстрелах и видел сам картину тысячи трупов с пулевыми отверстиями в затылках. Только эти лица, при тогдашнем состоянии умов в Европе, могли лично убедиться в истинной правде массовой расправы НКВД со своим населением.

Все же остальное население Европы, получавшее из рук немцев сведения о ходе раскопок, относилось к ним скептически. В тот период времени никто настоящего русского голоса не слышал. Слушали о русской действительности из рупора Геббельса, которому никто не доверял, или из уст Сов<информ>бюро — Лозовского и Эренбурга²² и других представителей красного Кремля, выдававших свой голос за голос всего народа, и по этим советским голосам судили, как некоторые и теперь судят, о якобы «великом благополучии» всех народов советского Союза.

Порабощенные в то время немцами европейские и другие боровшиеся с ними народы мира, зачарованные русскими победами, ничего другого не хотели слышать, кроме как о своем освобождении от немецкого ига и своем будущем торжестве. Все расценивали победы на востоке как победы русского оружия и, конечно, сведения Геббельса о тяжелой судьбе народов под советским режимом рассматривали как агитационный маневр в пользу немцев, почему и не придавали им значения. Но вместе с тем, кроме геббельской пропаганды, были и другие, точные и верные, сведения и голоса о жизни народов в Советском Союзе. Мимо них, к сожалению, прошли и своевременно не оценили по существу их реальной стоимости многие политики Запада, загипнотизированные успехами и ловкой пропагандой Советов.

Но для русского народа и других народов СССР как в пределах в то время занятых немцами областей, так и вне их — раскрытие захороненных в земле преступных тайн НКВД имело, как и сейчас имеет и будет иметь, исключительное значение по полному, раскрытому, документальному подтверждению советской действительности.

Вот этой-то документальной и свидетельской правды многих тысяч людей Кремль больше всего опасается. Опасаясь перед всеми народами Советского Союза правды о Виннице, Москва замалчивает и нигде о ней не говорит. И в силу именно этой настоящей и опасной для него правды Кремль не позволил своим представителям по обвинению на Нюрнбергском процессе не только выдвинуть преступление в Виннице в качестве обвинения немцам, но решил молча пройти мимо бывшего и нашумевшего события в Европе. Молчать — значит забыть, предать забвению — значит схоронить! От кого? От внимательных глаз всех народов Советского Союза. Так думает Москва. Это молчание пора прервать громким словом правды о Виннице. Кто молчит о ней, тот покрывает преступление, преступление против человека и свободы; такое поведение только на руку Кремлю. Он не хочет видеть в Виннице своего собственного лица. Наступило время перед всем светом показать его не только ему, но и всем народам.

ЧАСТЬ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Город Винница* и братские могилы

Большой кабинет бургомистра г. Винницы проф. А.А.С. Почтенного вида, с седой бородой, в очках, профессор внимательно смотрит на беседующих с ним. Ни один проситель, ни один посетитель не уходит без доброго напутствия и дельного совета в сложной обстановке немецкой оккупации и военных событий. Спокойный, уравновешенный голос, выдержанные манеры и полная корректность со всеми людьми разных социальных рангов, служебных положений и состояний дают возможность быть спокойным каждому из них после беседы с человеком, нравственный авторитет которого среди потрясенного военными событиями населения абсолютно непоколебим²³. Завоевать такой авторитет может только тот, у кого честь и совесть вне всяких влияний, вне всяких событий. В таких людях виден человек долга перед своим населением, в чем жители города убедились вскоре после немецкой оккупации.

В 1941 году, после захвата немцами города, профессору С. как главе городского управления было предложено составить список заложников. После его отказа выполнить этот приказ ему пригрозили суровым наказанием в гестапо; тогда в ответ он предложил себя одного в заложники, от чего немцы «любезно» отказались. В городском управлении, с возмущением передав этот категорический приказ, он предложил составить добровольный список из членов городского управления и опять вновь поставил на первое место свое имя. Немецкое командование, убедившись в непреклонности профессора С., отказалось принять этот список. И с этого времени больше не предъявляло таких требований городскому управлению. О поступке своего главы вскоре узнало все население города и округа.

С ним два собеседника, третьим оказался я, вошедши по служебному делу в тот момент, когда услышал твердое заявление профессора С.: «Да, пора оформить требование населения о раскрытии этого вопиющего преступления НКВД. Мы должны теперь же, не дожидаясь немецкого разрешения, приступить к раскрытию могил». Собеседники (секретарь Ш. и зав. городским здравоохранением проф. Г.²⁴), молча наклоняя головы в знак согласия, подтверждают назревшую необходимость такого действия.

«Поэтому, если вы согласны, надо назначить в первую очередь медицинскую экспертизу по установлению факта убийства этих людей НКВД. Кого просить войти в эту нашу, городского управления, экспертную комиссию?» После некоторого молчания профессор С. указывает на необходимость ввести судебного медика от областного врачебного управления, а затем просить участия в этой комиссии специалистов-профессоров, после чего добавляет: «Она должна быть,

* Винница — окружной город с населением до войны около 120 тысяч человек — расположен на р. Южный Буг. Старая граница с Польшей до 1919 г. в ста милях от Винницы, после договора Сталина с Гитлером <1939 г.> она отодвинулась приблизительно на 300 миль. Винница находится от Киева на юго-запад от него, на расстоянии 130 миль, от Одессы к северо-западу на 210 миль. Через г. Литин идет от Винницы шоссе на Львов. — *Примеч. И.М. Малинина.*

безусловно, авторитетной не только в наших глазах, но и в глазах всего населения и округа».

Обсуждение кандидатур заняло короткое время, т. к. названные фамилии профессоров местного медицинского института отпали сами собой из-за нежелания их участвовать в этой работе перед ожидавшимся возвращением советской власти и НКВД. И когда профессор С. после этого задал тяжелый для него, недоуменный вопрос: «Тогда кого же?» — я выступил, перед этим не принимая участия в разговоре, с предложением своих добровольных услуг городскому управлению в ответственной работе по раскрытию этого преступления НКВД.

* * *

Винница — город прошлых событий еще Первой мировой войны, город военных штабов, одно время штаба генерала Брусилова и множества военных и общественных госпиталей того времени²⁵; город больших испытаний во время Гражданской войны, трагических событий в период коллективизации с массовой смертностью от голода крестьян и городских жителей; город — пострадавший и в период «ежовского» террора; город — быстрого военного захвата немцами и устройства вблизи него, в с. Калиновке, ставки фюрера Гитлера с бетонными укреплениями в подземных убежищах, — в котором лейтеры²⁶ и розенберговские устроители будущих своих планов на Украине умиряли мятущиеся души местного населения систематическим организованным голодом и недоеданием; город, куда я велением своей судьбы в феврале месяце 1943 г. прибыл на полуголодное существование со своей семьей и где мне пришлось испытать много мытарств, пока я не был избран проректором местного Медицинского института в единственно еще сохранившийся медицинский институт на территории оккупации и функционирующий до сентября 1943 г. благодаря хлопотам профессора С., моральный облик которого покорил даже бывших в это время жестоких победителей.

* * *

В прошлом Винница — уютный, утопающий в цветущих и фруктовых садах, богатый уездный город, благоустроенный, хорошо освещенный электричеством, с трамваем, парными экипажами, автомобилями и широкими проспектами, с постоянным театром, парком и хорошо поставленными учебными заведениями; в советское время — окружной город, разросшийся в период коллективизации и индустриализации за счет нахлынувших из окружающих сел людей, стремившихся спастись в городе от организованного Советами голода на селе; город — потерявший во время Советов свою уютную провинциальную красоту. Несколько десятков новых, советской конструкции, фабричных зданий и многоэтажных домов диссонансом врезались в стройные ряды уютных домиков с фруктовыми садами как на периферии города, так и в самом центре. В советское время увеличилось количество средних школ, открылся медицинский институт и высший индустриальный техникум.

Во время моего пребывания пульс города бился неровным темпом умирающего существа: трамваи не ходили, кроме пешего хождения, полное отсутствие

средств передвижения по городу, скромная торговля продуктами по карточкам голодного немецкого рациона и расцветшая интенсивная продажа и купля вещей и разных оставшихся у населения ценностей в размножившихся комиссионных магазинах. И только один базар — оживленное место скопления местного и окружного населения — отражал насущную потребность в существовании города и скопившихся здесь беженцев; он одновременно являлся наиболее чувствительным барометром на различные изменения на недалеком уже от города фронте, положение на котором той или иной стороны определялось количеством продуктов и цен на них. Так, в момент моего прибытия этот барометр городского состояния пал ниже нуля — он пустовал, и краюху хлеба продавали за баснословную цену: фронт необычайно быстро приближался к Полтаве, Днепропетровску и грозил немедленно перелиться через Днепр с явной тенденцией докатиться до самой Винницы. Население затихло и с трепетом ждало решения своих судеб от артиллерийской канонады на Днестре.

* * *

И вот в такое время, несмотря на ожидание прихода своих, население было полно слухами и рассказами о найденных в городе массовых могилах, в которых НКВД хотел схоронить свою тайну. Слухи росли, увеличивались как несущийся ком снега с горы.

* * *

По Литинскому шоссе, окаймленному липами еще со времен Екатерины I, как раз на расстоянии полутора километров от города был расположен углубленный от дороги участок с насаженными в нем деревьями и окруженный по шоссе земляным валом. До прихода немцев высокий дощатый забор скрывал от посторонних и любопытных глаз внутренность этого загородного сада, куда вход кому бы то ни было через крепко запертые ворота был запрещен.

Жившие до войны жители в разбросанных здесь по различным участкам домам знали какую-то связанную с этим садом тайну. Они говорили шепотом, поведывая ее только верным для себя людям. Против него, по другую сторону шоссе, в небольшом кирпичном здании во времена Советов располагался постоянный дежурный пост милиции с часто менявшимся составом милиционеров. Они зорко следили за всеми, кто появлялся вблизи, и сердитым окриком отгоняли редких охотников, пытавшихся разузнать тайну, скрывавшуюся за высоким забором.

Интерес к таинственности этого сада заглушался страхом местных жителей перед вездесущим оком НКВД и наличием постоянно находящихся здесь милиционеров. Никто не распространял эти сведения по городу, боясь быть источником неблагоприятных для советской власти слухов. Официально был пущен слух, что этот загородный сад предназначен для служащих НКВД; там был устроен для них тир. Оттуда, действительно, изредка днем или вечером раздавались одиночные выстрелы. Но наряду с такими дневными выстрелами жители не раз в глубую ночь слышали звуки моторов, нараставший шум голосов, окрики, потом

выстрелы, распространявшие тревогу и настороженность у людей, притаившихся в своих постелях и прислушивавшихся к совершаемому вокруг.

Все эти сведения, рассказы начали распространяться по городу уже после прихода немцев, когда развязались языки о бывших ужасах НКВД. Многие десятки колхозников, рабочих, их жен, жителей этой местности приходили в городскую управу и рассказывали о бывшем.

2. Обследование могил

Первое же обследование совместно с профессором А.А.С. этого загородного участка показало небывалую картину большого количества братских могил. При общем подсчете их оказалось 46. Они были покрыты дерном с заросшей травой и несколько углублены от поверхности. К «саду» от шоссе шла проселочная проезжая дорожка, упирающаяся в бывшие здесь ворота на месте ранее бывшего забора, разрушенного жителями после прихода немцев. Это последнее обстоятельство дало возможность жителям подтвердить свои догадки об имеющихся здесь братских могилах с жертвами НКВД. Передним своим фасом, к шоссе, где были расположены ворота, этот участок окружался большим валом с глубоким рвом. Остальные стороны почти правильного прямоугольника этого сада были с небольшой канавкой, на границе которой деревянный забор окружал это место ужасной гибельной расправы с людьми, без вины виноватыми, без суда расстрелянными.

В загородном «саду смерти» по его краям — деревья, даже фруктовые, а в центре и конце его — две большие клумбы, из которых одна в виде пятиконечной звезды. Это бывшие цветники. По правой стороне сада, непосредственно от входа в него, откуда начинаются в виде русской буквы «П» правильно расположенные одна за другой братские могилы, симметрично и заранее обдуманно распланированные, виднеется из ворот возвышающееся земляное укрепление с идущим к нему небольшим рвом в полроста человека. Это тир, маскирующий, как и цветники, от постороннего глаза, если паче чаяния такой мог бы заглянуть через какую-либо щелочку или дырочку деревянного забора, характер и назначение этого загородного места увеселения служащих НКВД. По ту сторону сада и за концом его высился молодой лес с кустарником и разросшейся молодой порослью.

Со стороны края, где расположен был тир и первый ряд могил, шла проезжая дорога к расположенному напротив правого угла небольшому кладбищу. В мое время многие могилы были со старыми поврежденными крестами и памятниками, а ограды разрушены. Интересно и поучительно для многих не верящих в исконную религию большевиков о мировой революции именно то, что на этом кладбище был выделен совершенно новый коммунистический участок, на котором, конечно, не было надгробных крестов, а исключительно пятиконечные звезды или простыеobelisks. Среди них оказался один, наиболее старый, с откровенной заповедью большевистской веры: «Старой большевичке Зинаиде ... 1932 год, марта ... Спи спокойно: Мировой Октябрь — будет тебе памятником».

Мы возвращались назад опять по городу, где в пределах уже городской черты располагался городской сад, официально по-советски называвшийся парком культуры и отдыха. Против него большое городское кладбище. Мы остановились, и я услышал голос своего спутника: «Жители утверждают, что и здесь, в городском саду, и здесь, на городском кладбище, есть такие же братские могилы времен Ежова».

* * *

В городском саду были обнаружены 14 больших могил. Сад упирался во двор рядом расположенного здания НКВД, специально построенного для этого учреждения советами. На это строительство у советской власти всегда находились средства. Многие города украсились таким «блестящим» строительством, начиная с Ленинграда, где на месте сгоревшего в 1917 г. Окружного суда было выстроено 10-этажное здание НКВД с характерным видом гранитной крепости²⁷, с небольшими окнами и модерными входами, откуда выход попавшим туда был более чем затруднителен, почти невозможен.

Для Винницы здание НКВД соответственно значению и размерам этого города было значительно меньше, трехэтажное, но с подсобными строениями оно заняло весь квартал и упиралось, как сказано, своим двором в деревянный забор этого городского сада. В описываемое время этот забор существовал и так же отделял соприкасающийся с садом двор уже не НКВД, а гестапо, которое разместилось в том же здании, вполне подготовленном к деятельности этого учреждения: учитель временно передал своему беззащитному ученику и такому же жестокому, как он сам, свое наследие.

Братские могилы были раскинута без определенного плана, без симметрии, скоплены на одной открытой, заросшей травой площадке, на которой для маскировки этих злодеяний стояли качели для детей и где детские голоса и беготня их по росистой траве не давали основания никому из посетителей парка думать о наличии здесь погребенных после расстрела в подвалах рядом стоящего здания НКВД. По близкому соседству было легко вывозить трупы расстрелянных в рядом расположенный сад, в тот период временно закрытый под видом реконструкции его для «парка культуры и отдыха».

В то время, да и теперь, возможно, НКВД не достигло той совершенной техники уничтожения людей в печах, какой достигло в своей жуткой деятельности гестапо, использовавшее современные достижения техники, и в чем оно успело не только догнать, но и перегнать своего учителя. Поистине можно сказать, что каждое из этих террористических государственных учреждений однопартийной системы могло поучиться друг у друга!

В противоположность гестапо, зверски уничтожавшему русских военнопленных, евреев, цыган, караимов и других, НКВД в своей практике массового уничтожения своего же народа использовало старую технику массового захоронения и... на этом просчиталось, оставив дискредитирующие следы своих массовых преступлений раньше в Катюни, а потом в Виннице. В дальнейшем они оказались и в Риге, и в Сталино, и в Киеве, но только в Виннице успели раскрыть преступную практику НКВД.

* * *

Городское кладбище. Главная аллея со старыми ветвистыми липами, прорезывая от главных ворот все кладбище до самого его конца, упиралась в открытое поле, понемногу при Советах застраиваемое. Там располагался старый анатомический корпус местного медицинского института. Кладбищенская церковь стоит при въезде, и в ней при немцах совершались богослужения и отпевания умерших. При Советах она была закрыта и использована для городских целей, под какой-то склад. Слева по аллее, в глубине кладбища, недалеко от бывшего анатомического здания, по указаниям жителей было раскрыто множество небольших могил с захороненными там трупами расстрелянных. Они были скоплены на одном этом участке примерно по три в ряд и тянулись одна за другой. Песчано-суглинистая почва осела на них, и эти углубленные места были легкими опознавательными признаками для их раскопок. Общее их количество было 42; среди них высились четыре могилы с покосившимися деревянными крестами когда-то похороненных на этом участке людей, который до завладения им НКВД считался запасным для расширения общекладбищенской площади.

3. Судебно-медицинские данные

Анатомо-судебно-медицинские исследования начали проводиться²⁸ нашей комиссией еще задолго до приезда немецкой судебно-медицинской экспертной комиссии во главе с профессором Шрадером²⁹ и задолго еще до официального разрешения немецких властей на проведение этих раскопок. За этот месячный период, с начала мая (10.5.43 г.), я провел со своим коллегой, судебным медиком, 228 вскрытий и исследований трупов с протоколированием каждого в отдельности случая. Как показали эти первые исследования, умерщвление арестованных производилось путем расстрела в затылок, единственным излюбленным способом НКВД со времен еще Чека. Состояние трупов (мумификация, мацерация, жировоск) и распад их дали возможность установить факт длительного пребывания захороненных трупов в могилах. По состоянию их я исчислил давность захоронения, для огромного большинства трупов — в пределах 5–6 лет, а некоторое количество из них в несколько меньший срок, что впоследствии подтвердилось найденными документами, обнаруженными в одной могиле и в карманах захороненной одежды.

И вот в этот-то период, т. е. в 1937–8 гг., в период массовой ликвидации потенциальных врагов сталинской диктатуры, НКВД не был в состоянии планомерно и полностью скрыть следы своих преступлений. По заданию Сталина и по распоряжению Ежова³⁰, в то время деспотически властвовавшего над страной, перед НКВД стояла небывалая в истории мира задача поголовного террора и массовой ликвидации воображаемых врагов среди своего собственного трудового населения, что по разумным основаниям не позволяли себе ни самые жестокие из жестоких персидские деспоты, ни Тамерлан, ни Тимур. Так как в это время, без всякого преувеличения, можно было исчислить потенциальных врагов власти Сталина в

90 процентов всех жителей, исключая, конечно, окружение самого Сталина и его верных энкаведистов во главе с Ежовым, то для этих целей против всего населения России была пущена в ход вся террористическая машина НКВД. Массовые аресты, без всякого исключения, кончались массовой ликвидацией арестованных то в виде ссылки на десятилетний срок без права переписки в ужасающие условия сталинской каторги, то в виде немедленного физического уничтожения. Ликвидируемых было столько и в такой короткий срок, что не хватало времени для этих палачей подготавливать могилы в более скрытых и отдаленных местностях. Тем более что для выполнения этого требовалась длительная транспортировка людей на расстрел или длительная транспортировка трупов расстрелянных, что было нежелательно для НКВД по многим основаниям и соображениям. Такие отдаленные, хотя бы даже и хорошо скрытые, могилы надо было бы некоторое время охранять от возможного раскрытия их местным населением. Поэтому захоронение расстрелянных вблизи НКВД при такой спешной «работе» обеспечивало этому учреждению большую возможность утаить и скрыть тайну от излишнего любопытства жителей. И действительность эти расчеты оправдала: запуганное массовым террором и соседством НКВД население города и его окрестностей не шелохнулось и не пыталось разгадать эту тайну до прихода немцев. В целях полной маскировки этих могил НКВД использовал свой загородный, закрытый сад с тиром для стрельбы, участок городского кладбища вблизи бывшего анатомического театра, откуда после студенческих работ по анатомии выносились трупы для захоронения на том же кладбище, городской сад — «парк культуры и отдыха» — с устроенными, на месте могил убиенных, детскими качелями и другими развлечениями для посетителей парка вблизи этой площадки.

* * *

Раскопки производились в присутствии представителей городского управления, особенно часто в присутствии профессора А.А.С., местных и городских жителей и многих приехавших лиц из других отдаленных мест. Могилы вскрывались и очищались от трупов командой из арестованных по различным мелким преступлениям и из некоторого количества военнопленных.

Первые раскопки начались со стороны левого угла, где в первой же могиле была обнаружена сваленная одежда расстрелянных. Эта находка сразу же вскрыла важную особенность этой драматической «работы» НКВД. Найденная одежда состояла из различного ассортимента верхнего платья рабочих и украинских крестьян — домотканых свит, бараньих кожухов, сорочек и полотенец с украинской ручной вышивкой, пиджаков, брюк и пальто из дешевого материала, кепок и бараньих шапок. Этим открытием определилось социальное и политическое значение этих раскопок. В дальнейшем эти выводы полностью получили подтверждение в найденных документах, сброшенных и закопанных в отдельной, рядом расположенной, яме. В третьей яме была найдена сваленная туда сношенная и стоптанная крестьянская и рабочая обувь расстрелянных.

Из 679 трупов, с установленными по документам фамилиями и профессиями, найденными в этой яме и при трупах и опознанных родственниками, только 183

относились к интеллигентным профессиям, среди которых значительный процент составляли мелкие конторские служащие.

Этим самым был установлен факт уничтожения Сталиным людей не из социально-враждебных в прошлом слоев населения, не из высших и средних представителей советской бюрократии, так называемых «вредителей», как об этом постоянно твердит их пропаганда за границей, — нет, — «рабоче-крестьянская власть» расстреливала рабочих и крестьян. По Сталину, «врагом народа» оказался сам народ. Такова логика мышления коммунистических диктаторов — во имя сохранения своей диктатуры идти по пути безграничной и безжалостной лжи и расправы.

Впоследствии, после получения из Берлина разрешения на продолжение раскопок и после прибытия немецкой медицинско-экспертной комиссии (15 июня 1943 г.), в течение всего лета, вплоть до начала сентября, было вскрыто все перечисленное количество могил с общим числом обнаруженных в них 9432 трупов. Из них было 169 женских трупов.

В загородном «саду смерти», как местные жители называли это место, было обнаружено 5644 трупа, из них женщин — 53, на городском кладбище 2405, <из них женщин> — 85, в городском парке 1383, <из них женщин> — 31.

По опознанным родственниками трупам, по обнаруженным документам состав расстрелянных преимущественно относился к пригородному и сельскому и, частично, городскому населению. Это была великая сталинская «чистка» в Винницкой области в период ежовщины, проводимая в то время по всей необъятной нашей родине. Если нам удалось установить только в одном небольшом городе такое количество трупов, то спрашивается — сколько же было расстреляно в те годы по всей стране? В одной только Виннице содержалось в тюрьмах около 18 000 заключенных, из которых кто не был расстрелян, многие тысячи были высланы в концлагеря.

* * *

Разрытие могил и выемка трупов требовали больших физических усилий. Плотная осевшая земля с проросшей травой и дерном еще и потому создавала трудности при работе, что под этим пластом лежал слой уплотненной хлористой извести; последний приходилось разбивать ломом и мотыгами, и только тогда раскрывалась страшная картина набросанных послойно трупов. Одни из них лежали на спине, другие на боку, со свороченными к затылку головами, третьи на животе, вниз лицом, с вывернутыми ногами и руками. Все в нижнем белье — рубашках, кальсонах; верхнее платье на большинстве трупов отсутствовало. Все они лежали рядами, плотно прилегая друг к другу. Между слоями этих трупов была также насыпана земля. В непосредственной связи с такой плотной укладкой соприкасающихся друг с другом трупов и в связи с малым доступом воздуха в могилы процессы загнивания и разложения их были более или менее замедлены. Условия эти создавали своеобразные изменения сложных процессов гниения и распада белковых тел. Вот почему мы находили, в зависимости от различных условий этих процессов, в различных слоях, в поверхностных или более глубоких,

трупы с разной степенью сохранности их, с разной степенью разложения и распада, вплоть до отделения отдельных частей скелета: головы, кистей рук и т. д.

Размер могил был разный. Наиболее крупные, глубиной в 3,7 метра, длиной 2,8 × 5 метров, шириной 2,5 × 3 метра, были сосредоточены на северной стороне загородного сада и частью в городском парке. В каждой из таких могил вместились около или более 200 трупов. Наибольшее число оказалось в девяти крупных могилах, в которых было более 250 трупов в каждой, даже 282 и 284. Меньшие могилы были на кладбище. Там количество трупов в каждой из них не превышало сотни. Были найдены могилы с четырьмя, шестью, десятью трупами. Трупы извлекались на поверхность земли, раскладывались рядами и подвергались первоначальному внешнему осмотру; обращалось внимание на отметки, на литеры и особенности нижнего белья. Такие отличительные признаки давали возможность опознавать родственникам своих погибших близких. Самая тяжелая была работа в глубине могил из-за душливого там воздуха. Оттуда трупы извлекались с помощью веревок. Приторно-тошнотный, едкий и потому невыносимый запах от разложившихся трупов отравлял воздух: было тяжело дышать. Присутствующие плотно зажимали платком нос и рот; для обоняния он был нестерпим. У долго пребывающих на раскопках платье пропитывалось, особенно волосы длительно сохраняли этот запах.

По мере большего и большего раскрытия могил и большего накопления извлеченных трупов этот запах становился слышен уже за один километр. Когда же поднимался хотя бы легкий ветерок, запах разносился по значительной окружности. Обонять его было чрезвычайно неприятно среди ликующей и просыпающейся природы. Как-то тяжело было видеть разгул зла среди расцветших яблонь, жужжания пчел, летающих белоснежных бабочек, возбужденно летающих птиц и расцветающей травы. Среди этого благоухания и весеннего солнца рядом лежали сотни трупов с зияющими нередко глазными впадинами отделившихся от трупов черепов.

* * *

Все без исключения трупы были с крепко связанными бечевкой руками, загнутыми назад, за спину. Развязывать, распутывать их не было возможности, все они были завязаны «мертвой» петлей, принятой в практике НКВД при транспортировке арестованных. Значительное количество было со связанными ногами. На расстрел вели людей, как на бойню скот, сопротивление у которых, при таких условиях, совершенно исключалось.

* * *

По состоянию трупов определялся срок захоронения, потом тщательно устанавливался способ умерщвления. Без исключения в каждом трупе находились входные пулевые отверстия на затылке. Выходные имели свое место в различных местах лицевой части черепа и нередко в теменной и лобной областях, в зависимости от оси приложения револьвера к затылку (сопротивление расстреливаемого, боязливый наклон головы и т. д.). Пулевой канал последовательно исследовался после вскрытия черепа.

При таком исследовании в значительном проценте всех случаев были обнаружены пульки 5 и 6 мм толщины и 22 мм длины, нередко сплюснутые, свинцовые. Мною была собрана небольшая коллекция из них, к сожалению, погибшая во время моих странствований. В начале своего исследования мною были установлены одиночные входные отверстия с «классическим» примером привычного к такого рода выстрелу выстрела энкаведистского палача; по мере увеличения числа исследования трупов таких одиночных смертоносных выстрелов насчиталось 2992. Огромное большинство — с двумя входными отверстиями — (6360), что уже указывало на неверность руки палача при массовых расстрелах, на его усталость, и он должен был приканчивать расстреливаемых вторым выстрелом; 78 случаев имели три отверстия, что следует объяснить поспешным выстрелом палача, без прицела на коротком расстоянии. Падавшую, еще живую, свою жертву он доканчивал на земле последующими выстрелами. Два трупа были даже с четырьмя выстрелами. Все эти данные указывают, что, возможно, палачей было несколько и одни из них были более опытные, другие — менее. При такой поспешности расправы на месте, как это было в «саду смерти», где было обнаружено больше дуплетных выстрелов, видимо, «специалистов» не хватало и выступали на сцену действия расправы охотники из разных чинов НКВД. У многих трупов было обнаружено отсутствие зубов, а у некоторых они находились во рту с нарушенными зубными ячеекми. Это явное доказательство, что они были выбиты при расправе с ними. В полости рта и гортани у некоторых трупов извлекалась земля, что указывало на заглатывание умирающими людьми земли, когда их засыпали еще живыми в могилы.

* * *

Мы начали свою работу без официального разрешения немецких властей, нас только допустили к этой работе, и мы вели ее на свой страх, риск и ответственность, не зная в точности, каково будет отношение к нашим действиям и раскопкам со стороны нацистского правительства. Нас обнадеживало то, что мы сможем довести начатое дело до конца, что в это время для расследования катынского злодеяния немецкое правительство уже послало международную экспертную комиссию. О Катыни мы знали из опубликованного немцами по радио сообщения еще в середине апреля. Мы надеялись в связи с этим, что на второе преступление советской власти обратит внимание если не само немецкое правительство, то международное общественное мнение. Наши надежды частично оправдались по части полученного разрешения от немецкого правительства. 15 июня в Винницу прилетела экспертная немецкая комиссия во главе с профессором Шрадером и его ассистентом. С этого времени ускорились работы по раскопкам. Но, невзирая на это, работы было так много, что она затянулась до начала сентября, когда нависла реальная возможность приближения советских войск к Виннице, что создавало опасение прекращения начатых работ. Но оказалось, что затянувшиеся военные действия благоприятствовали нам в этом деле, и мы успели окончить раскопки и собрать все данные. В июле месяце приезжала немецкая комиссия из профессоров, судебных медиков, а в августе — международная экспертная комиссия, подтвердившая наши исследования и выводы. В международную комиссию входили

эксперты из Бельгии, Болгарии, Финляндии, Швеции, Италии, Голландии, Румынии, Венгрии, Кroatии, Словакии, составившие и подписавшие подробный акт по своему судебно-медицинскому исследованию.

4. Население и раскрытое преступление

С момента начала раскопок все три места их явились местами паломничества городского и окружного населения. Развешанные на веревках платья, белье привлекали к себе колоссальное внимание проходящих, которые разыскивали по меткам на белье, вышивкам и прочим приметам своих расстрелянных братьев, сыновей и мужей. Каждый день то здесь, то около какого-либо трупа разыгрывались раздирающие душу сцены. По тем или иным документам, небольшим карманным предметам (табакерки, кисеты от табака и т. д.), выставленным для обозрения и опознавания на главной улице города, приходили родственники расстрелянных и находили трупы своих родных. Все эти случаи протоколировались, проверялись перекрестными вопросами, при каких обстоятельствах и когда был арестован их родственник. Толпы людей приезжали из далеких селений, деревень, местечек и городов. Среди предметов, найденных в могилах, были обнаружены нательные кресты православных священников, нательные иконки ксендзов и печати католических костелов. Это указывало, что среди жертв находились православные и католические священнослужители и, по-видимому, многие открыто исповедующие веру, т. к., по показаниям жителей, в то время было арестовано 30 священников, потом исчезнувших! С ними вместе арестовывались и прихожане.

* * *

Родственники и родные, распознавшие своих близких среди трупов расстрелянных, свидетельствовали, что на их вопросы в НКВД о судьбе арестованных давался ответ, что «они высланы в табор», т. е. в лагерь принудительных работ «без права переписки» — кто на 8, кто на 10 лет. Такие ответы, характерные для НКВД, своей заведомой ложью никому не внушали и не внушают доверия; но в то время при широких массовых арестах близкие рассчитывали, что НКВД не рискнет и не посмеет расстреливать в таком количестве ни в чем не повинных, даже с точки зрения Советов, людей. Поэтому к этим ответам относились более доверчиво, чем обычно, лелея надежду на встречу когда-нибудь со своими родными. Но жестокий, небывалый террор НКВД окончательно разбил их надежды, в чем так трагически они убедились на раскопках в Виннице — все они были уничтожены здесь же, на месте, без вывоза их куда-либо на сталинскую каторгу.

* * *

Сообщения, делавшиеся с разрешения немцев по радио о найденных братских могилах в г. Виннице, всколыхнули отдаленные города, и оттуда в течение всего лета приезжали полномочные представители различных городских управ, церковных общин и наглядно убеждались во всем виденном и слышанном. Население всей

оккупированной местности было в высшей степени взбудоражено, и, несмотря на скоро ожидаемый приход Красной армии, возмущение было полное. Все данные публиковались в местной украинской прессе. Немцы же в интересах своей пропаганды сообщали об этих раскопках в немецких газетах (с фотоснимками) и в газетах оккупированных стран. В результате таких публикаций из различных частей Европы, занятой немецкими войсками, приезжали комиссии журналистов, врачей, священнослужителей и т. д. Все они осматривали раскопки и трупы, делали множество фотоснимков, как и сами немцы — военные и гражданские служащие, нередко с этой целью приезжавшие на раскопки. Особенно много прибывало православных священников из разных окружных сел и городов. Все они участвовали на общих грандиозных панихидах по убиенным, устраиваемых во время нового захоронения этих трупов, на рядом расположенных участках. Торжественные панихиды по погибшим привлекали тысячи людей. Люди окружали братские могилы сплошной толпой, рыдали, забрасывая землей своих покойников. Печальное надгробное пение церковных хоров, дрожащие в вышине умирающего дня возгласы дьякона при торжественном служении архиереев создавали незабываемую картину для всех. Все молящиеся склонялись на колени при пении «вечная память» и тихо, бесшумно после панихид расходились с поникшими головами и со слезами на глазах; у всех был один и тот же негодующий вопрос «за что?»

5. За что расстреляны?

Ни один документ, обнаруженный в могилах и в одежде расстрелянных, не дал указаний на предъявленные им обвинения. Среди них находились квитанции по приему вещей в тюрьме, бывшие паспорта еще царского времени, различные удостоверения и справки советских учреждений, выданные еще до 1938 г., протоколы обысков за 37–38 гг. с изъятием официальных документов в виде военных билетов, удостоверений личности и т. д. Примером таких обысков служат два протокола: у одного расстрелянного были изъяты во время его ареста «две английские книги и две французские» без указания заглавия их, у другого — охотничье ружье (не эти ли невинные предметы являлись вещественными доказательствами их преступлений?!); в карманах двух одежд были найдены ответы от прокуратуры СССР из Москвы и прокуратуры г. Винницы на запросы жен двух расстрелянных в бытность, когда они были живы, о судьбе их мужей с просьбой нового рассмотрения их дел. В обоих случаях ответ сурово гласил об оставлении их ходатайств без последствий, а в одной из них (из Москвы) было указано, что такой-то «осужден на длительный срок со строгой изоляцией» без обвинения в каком-либо политическом преступлении и без определения срока наказания и места отбытия его. Оба эти документа помечены 1940 г. (сентябром и ноябром), что дает основание утверждать, что могилами в загородном саду НКВД пользовались и в 1939, и 1940 гг., пополняя их новыми жертвами после огромной «чистки социалистической родины от врагов», произведенной еще Ежовым, как он определял эту жестокую расправу с народом. Среди различных документов, офици-

альных бумаг и предметов личного употребления (табакерок, кисетов, носовых платков, куда можно было бы спрятать хоть клочок бумажки) характерно полное отсутствие писем и записок или хотя бы клочка бумажки от своих родственников. Такое отсутствие их на тысячи расстрелянных говорит за строжайший режим, проводившийся в отношении их в тюрьме НКВД. Они были строго изолированы от всего света не только тюремной решеткой, но и лишением свидания с близкими и разного рода передач, при которых все же можно передавать записки с перечнем передаваемых продуктов. И даже этих сопроводительных записок не удалось найти, значит, действительно они были лишены и передач.

Таким образом, анализ найденных документов, значительно истлевших и попорченных от почвенной влажности, установил полное отсутствие каких-либо выставленных им пунктов обвинения по Уголовному кодексу СССР, по которому арестованным предъявляются те или другие обвинения (по знаменитой 58 ст. Уголовного кодекса³¹).

* * *

Произведенный широкий опрос родственников, нашедших в количестве 679 случаев своих близких среди трупов расстрелянных, показал, что все они были арестованы неожиданно, то ночью на дому, то на работе, то с вызовом их в НКВД и, конечно, без объяснения причин их ареста. В последующем родственники их также не могли добиться разъяснения поводов их ареста. Если эти аресты были вызваны конкретными политическими обвинениями, то спрашивается: в состоянии ли были в те времена простые колхозники и рабочие, задавленные ежедневной заботой о хлебе насущном для своей семьи, проявить что-либо активное против советской власти? Зная те времена, это трудно объяснить. Все население в полном смысле этого слова затихло, наблюдая, как коммунисты в лице Ежова и НКВД уничтожают своих товарищей, и с тайной радостью наблюдало расправу с бывшими вождями, объявленными Сталиным и Ежовым врагами народа. Не за них же, так долго и зверски господствующих над всей страной, рабочие и крестьяне должны были выступать? Никто этого не хотел и не допускал. Население было только зрителем этой расправы и далеко было от мысли им сочувствовать, видя в гибели крупных коммунистов то, что наблюдается в банке с пауками, где более сильные и ловкие из них поедают других.

Не за подрывную же работу или вредительство могли арестовать и уничтожить 9432 человека? И какое же должно было быть широкое вредительство с такой массой людей! Оно должно было бы распространиться на все виды фабрик, на колхозы, советские и кооперативные учреждения, одним словом — на все формы жизни этой области. И, несмотря на такую невероятность, обвинения были выдвинуты по саботажу, вредительству, что подтвердили некоторые родственники расстрелянных.

Считаясь с невероятностью такого обвинения по отношению столь большого количества расстрелянных и не установив ни в одном случае политического пункта обвинения действительного, а не ложного, что постоянно делает НКВД и МГБ, следует признать, что арест и расстрел такой массы людей был произведен

исключительно по мотивам общего в то время острого политического положения в Кремле и политической линии Сталина, в личных целях которого Ежов провел метод устрашения населения беспощадным массовым террором.

6. Метод массового террора

В период ликвидации в 1937–38 гг. всей верхушки коммунистической партии и различных «заговоров» Тухачевского и других красных маршалов и генералов Сталиным овладел страх не только перед явными, но и потенциальными врагами. К последним НКВД относил и во времена Ежова, и до него, как относит теперь и МГБ, всякого, кто посмел где-либо, хотя бы намеком, высказать свое недовольство каким-нибудь советским распорядком жизни, позволил себе рассказать самый невинный советский анекдот, который мог бы быть оценен как антисоветский, позволил себе высказать хоть малое сомнение в правильности политической линии. Одним словом, лишнее где-либо сказанное слово: на заводе, в мастерской, в колхозе, в учреждении, в магазине или на улице в очереди, которое можно было истолковать как проявление некоторой свободы мысли и недовольства существующим порядком, давало повод к занесению в списки как подозрительного и в дальнейшем к изъятию этого человека из жизни на долгий срок. Такова была и есть советско-коммунистическая практика и действительность.

* * *

Все, что таит в себе, по мнению Сталина и его Политбюро, опасность превращения из скрытого, потенциального врага в не только в возможно-активного, но даже предполагаемого врага, должно быть усмирено самым жестоким образом, и если по внутренней политической обстановке надо, то в корне уничтожено.

Предупредительный террор проявлялся еще задолго до господства НКВД Ежова, при котором этот беспощадный метод достиг широкого распространения на всю страну и на все слои населения. Иначе говоря, массовый террор присущ советской системе на всем протяжении ее существования. Тому примером могут служить: во-первых, жестокие массовые расправы в период так называемого «военного коммунизма» в 1918–1922 гг. с крестьянами во время и после восстания в Тамбовской, Смоленской, Рязанской и других областях и с кронштадтскими матросами, рабочими и другими жителями Петрограда и его окрестностей после подавления в Кронштадте восстания (март, апрель 1921 г.); во-вторых, массовое уничтожение крестьян в 1930–1933 гг. при их преимущественно только пассивном сопротивлении коллективизации; уничтожение коснулось не только их и их жен, но и их детей, невзирая на возраст, вплоть даже до грудных ребят. На Украине, Дону, Северном Кавказе погибло от специально вызванного искусственного голода, в результате насильственного отнятия вооруженными отрядами от крестьян хлеба и всех имеющихся у них продуктов более 10 миллионов человек; в-третьих, грандиозная высылка из Ленинграда после убийства в декабре 1934 г. Кирова всех подозрительных, по мнению НКВД, лиц в количестве более 50 ты-

сяч жителей этого города. В эту «чистку», как определяли советские органы эту расправу, попали различные социальные группы населения, начиная от рабочих и кончая студентами и профессорами; эта беспощадная массовая высылка столь большого количества людей в отдаленные места (Сибирь, Туркестан, Дальний Восток) продолжалась в течение нескольких месяцев в 1935 г.

То же самое повторилось с военнопленными, возвращенными в 1940 г. Финляндией после окончания советско-финской войны, и с военнопленными, и с так называемыми «остарбайтарами» после этой последней с Германией войны, которых не только расстреливали по обвинению «за измену родине», но и уничтожали немислимым режимом в принудительных лагерях.

Проводился этот метод в 1939 г. в занятых Прибалтике и Польше, проводится и в настоящее время в отношении всех социальных групп, опасных, по мнению Сталина, при водворении коммунизма в присоединенных к Советскому Союзу странах. Очищаются этим же методом целые территории от различных небольших народностей в лице крымских татар, кабардинцев и других, обвиненных якобы в сочувствии к немцам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метод массового устрашения населения, проводимый в целях беспрекословного подчинения всей генеральной линии Политбюро, может быть определен как основной рычаг насильственного внедрения и укрепления коммунизма в одной стране.

И при нарастающей опасности для демократического мира насильственного внедрения коммунизма — не служат ли винницкие и другие гекатомбы предупреждением свободолюбивому человечеству!

Коммунизм уже шагает не в качестве какого-то отдаленного призрака по Европе, о чем писал сто лет тому назад Карл Маркс в своем «Коммунистическом манифесте», а в качестве реальной силы вооруженных до зубов коммунистов не только по Балканам и другой части Европы, но и по Китаю, а теперь и по Корее!³² И после их победы в тех или других частях мира, особенно если восторжествует, к несчастью человечества, пропагандируемый ими «мировой октябрь», с тревогой и душевным трепетом за людей можно сказать, что последуют в интересах того же укрепления коммунизма еще более грандиозные гекатомбы, чем те, какие установлены в г. Виннице.

¹ Судебный процесс над 23 главными военными преступниками проходил в Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале (МВТ) с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Стенограммы заседаний и сопутствовавшие им документы изданы Секретариатом Трибунала в 42 томах на многих языках. В СССР / России материалы опубликованы: Нюрнбергский процесс: Сб. м-лов: В 8 т. / Науч. ред. Н.С. Лебедева. М., 1987–1999. См. также новейшее издание архивных документов: СССР и Нюрнбергский процесс: Неизвестные и малоизвестные страницы истории / Сост. Н.С. Лебедева. М., 2012.

² 13 февраля 1946 г. заместитель главного советского обвинителя полковник Ю.В. Покровский предъявил МВТ подробное обвинение по Катынскому делу, основанное на материалах Специальной комиссии во главе с Н.Н. Бурденко и возлагавшее вину за организацию расстрелов на немецкую сторону. Однако Трибунал не поддержал советское обвинение, и в приговоре МВТ катынский эпизод отсутствует. Корпус важнейших советских документов по Катынскому делу см.: Катынь: Пленники необъявленной войны: Докты и м-лы / Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М., 1997; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Докты / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001; см. также: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. О подготовке советского расследования катынских расстрелов в январе 1944 г. см.: *Сорокина М.Ю.* Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле // In *Memoriam: Сб. памяти Владимира Аллоя.* СПб.; Париж, 2005. С. 361–389.

³ *Покровский Юрий Владимирович* (1902–1953) — военный юрист, полковник юстиции. В 1945–1946 гг. заместитель главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.

⁴ Судья Верховного суда США Роберт Джексон (1892–1954) был Главным обвинителем от США на Нюрнбергском процессе.

⁵ Дивизионный генерал польской армии Владислав Андерс (Anders; 1892–1970) командовал польскими формированиями во время Второй мировой войны. После войны выпустил книгу «An Army in Exile: The Story of the Second Polish Corps» (L., 1949) и в том же году совместно со Здиславом Шталем (Stahl) — книгу «Katyn» (P., [1949]).

⁶ См.: *Laskowski J.* Sprawa kатыńska w Norymberdze // *Niepodległość.* 1948. Т. 1. Р. 219–233.

⁷ Наркомат (с 1946 г. Министерство) государственной безопасности СССР существовал в феврале – июле 1941 г. и в 1943–1953 гг.

⁸ Захоронения в Катыни были обнаружены немецкой полевой полицией в феврале 1943 г.; 29 марта началась эксгумация, а 13 апреля было официально объявлено о находке захоронений расстрелянных польских офицеров.

⁹ См.: *Debons D., Fleury A., Pitteloud J.-F.* Katyn et la Suisse: Experts et expertises médicales dans les crises humanitaires, 1920–2007, actes du colloque international, tenu à Genève, 18–21 avril 2007. Genève, 2009.

¹⁰ Материалы немецкого расследования см.: *Amtliches Material zum Massenmord von Katyn.* Im Auftrage des Auswärtiges Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle. Berlin, 1943. (Факсимильно переизданы в 1999.)

¹¹ В оккупированной Виннице до октября 1943 г. было эксгумировано 9439 трупов.

¹² Эта версия до сих пор остается спорной.

¹³ Здесь и далее А.А.С. — бургомистр Винницы профессор Александр Александрович Савостьянов (о нем см. примеч. 82 в нашей статье).

¹⁴ Гебитскомиссариат «Винница», возглавлявшийся гебитскомиссаром Фрицем Маргенфельдом, входил в генеральный округ «Житомир». Крейслейтер — окружной партийный руководитель; подчинялся в партийной иерархии гаулейтеру, но назначался лично фюрером.

¹⁵ *Кох Эрих* (Koch; 1896–1986) возглавлял рейхкомиссариат Украины с 1 сентября 1941 по 10 ноября 1944 г. Признан военным преступником; приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

¹⁶ Рейхсминистр Альфред *Розенберг* (Rosenberg; 1893–1946) возглавлял Имперское министерство оккупированных восточных территорий.

¹⁷ *Альбрехт* Карл Иванович (наст. имя и фам. Карл Маттхойз Лёв; 1897–1969) — немецкий коммунист; по образованию лесной инженер. В 1924 г. приехал в СССР; член Рабоче-крестьянской инспекции СССР и руководитель секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при РКИ. В 1933 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и приговорен к расстрелу, но затем помилован и в апреле 1934 г. выслан в Германию, где также попал в концлагерь. Автор известной книги «Преданный социализм» (*Der verratene Sozialismus: Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion*. Berlin; Leipzig, 1938). Упомянутые брошюры являлись переработанными фрагментами этой книги и активно использовались для пропаганды в годы Второй мировой войны.

¹⁸ *Сикорский* Владислав (Sikorski; 1881–1943) — польский военачальник и политик, генерал брони (генерал-полковник), глава правительства Польши в изгнании.

¹⁹ Материалы расследования были опубликованы: *Amtliches Material zum Massenmord von Winniza*; Berlin, 1944.

²⁰ *Унтермениш*, недочеловек (*нем. Untermensch*) — расистско-евгенический термин из идеологии национал-социалистов.

²¹ *Фольксдейтши*, правильно — фольксдойче (*нем. Volksdeutsche*) — обозначение этнических немцев, живших за пределами Германии.

²² *Лозовский* Соломон Абрамович (1878–1952) — зам. наркома иностранных дел (1939–1946), одновременно зам. (с 1941), начальник Совинформбюро (1945–1948). По его инициативе в апреле 1942 г. создан Еврейский антифашистский комитет, по делу которого Лозовский арестован в 1949 г. и расстрелян. *Эренбург* Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель.

²³ Существует немало свидетельств, подтверждающих эту оценку деятельности профессора А.А. Савостьянова в оккупации. Так, в частности, он сыграл важную роль в жизни известного биохимика Владимира Павловича Скипского (1913–1984), мобилизованного в Красную армию и затем попавшего в немецкий плен. Благодаря помощи Савостьянова он был освобожден в Виннице и в дальнейшем уехал в США, где специализировался по раковым опухолям.

²⁴ Секретарем Винницкой городской управы был П.М. Шереметьев. Заведующим медико-санитарным отделом управы — профессор кафедры гигиены и эпидемиологии, заведующий учебной частью Винницкого медицинского института, доктор медицинских наук Георгий Станиславович Ган. После войны возглавлял санитарно-бактериологическую лабораторию Луганской областной санэпидстанции.

²⁵ Дом Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926), генерала от кавалерии, командира 12-го армейского корпуса, штаб которого стоял в Виннице в 1913–1914 г., сохранился в городе до сих пор. Здесь также находится усадьба «Вишня» выдающегося русского хирурга Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) и его усыпальница, где хранится забальзамированное тело медика.

²⁶ Руководители (*нем. Leiter*).

²⁷ Так называемый Большой дом (Литейный пр., д. 4).

²⁸ Вычеркнуто автором: «мною при участии судебного врача доктора Д.». Речь идет о доценте Винницкого медицинского института Архипе Семеновиче Дорошенко.

²⁹ *Шрадер* Герхард (Schrader; 1900–1949) — профессор, директор Института судебной и социальной медицины университета Галле-Виттенберг.

³⁰ *Ежов* Николай Иванович (1895–1940) — народный комиссар внутренних дел СССР в 1936–1938 гг.

³¹ Т. е. по статье, предусматривавшей наказания по различным видам контрреволюционной деятельности.

³² Имеется в виду Корейская война 1950–1953 гг.